

И.Ю.ПЕРМЯКОВ

ИЗГОИ

ДЕТИ ДРАКОНА

И. Ю. Пермяков

Изгой. Дети Дракона

«Издательские решения»

Пермяков И. Ю.

Изгой. Дети Дракона / И. Ю. Пермяков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833118-3

Мир удивителен и полон загадок и чудес. Но не всем выпадает судьба попытаться окунуться в них. Молодому человеку, младшему сыну барона Истре, довелось «хлебнуть» и того, и другого. Боль, кровь, смерть — всего этого хватает на пути, на котором однажды утром оказался этот молодой человек. И сойти с этого пути невозможно, хотя бы потому что на нем есть еще любовь, друзья и приключения.

ISBN 978-5-44-833118-3

© Пермяков И. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть I	17
Патруль	17
Расследование	25
Засада	38
Замок Валенштайн	44
Лейтенант	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Изгои Дети Дракона

И. Ю. Пермяков

*Моей любимой дочери, ради которой это, собственно, было все
и задумано, посвящается.*

Дизайнер обложки Евгений Боровков

Редактор М. И. Пермякова

© И. Ю. Пермяков, 2019

© Евгений Боровков, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4483-3118-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Ничего там нет, даже крысы спят, – потянувшись, вполголоса проговорил стражник на немой вопрос напарника и невольно покосился на застывшую фигуру человека в темном балахоне, капюшон которого полностью скрывал лицо.

Его руки судорожно сжимали посох, на основании которого иногда проскальзывала маленькая молния, а сам объект внимания, казалось, мирно почивал, опустив голову и опершись спиной на внутреннюю сторону зубца башни.

– Никогда нельзя понять, спят они или нет, – недовольно пробормотал напарник первого стражника, которого, к слову сказать, звали в роте Седой за почти белую, как снег, шевелюру, грея озябшие руки над жаровней, где, переливаясь, играли огоньки углей. – И как у него спина не мерзнет? Ведь сидит так уже какое время.

– Да нам-то что, самим бы не замерзнуть, – пожал плечами стражник, доставая из-за пазухи небольшую бутылку, в которой еще некогда была налита горячая вода, слегка разбавленная красным вином.

– Сейчас бы капельку вина для сугрева, – вздохнул напарник, наблюдая за действиями товарища, который, отпив из бутылки, сморщился, как от зубной боли.

– Наблюдайте за территорией, – раздался голос из-под капюшона, заставивший вздрогнуть обоих воинов. Посох наклонился в сторону стражника, сверкнула небольшая искорка, и из горлышка бутылки вырвалось облачко пара.

Седой торопливо отпил, удовлетворенно «крякнул» и опять прильнул глазами к большому кристаллу, осматривая местность вокруг.

– Да мы что? Мы ведь так, просто помечтали, чего тут такого. И так ясно, что на посту нельзя, – извиняющимся тоном проговорил второй стражник и для убедительности пожал плечами. – Холодно, – не дождавшись ответа, примирительно продолжил он, – и до смены еще далеко.

– Чисто там все, – бодро отрапортовал Седой, оторвавшись от кристалла и потянувшись, добавил, – да и кому тут быть, собственно?

Стражник подошел к жаровне и протянул озябшие руки.

– Говорят, эта крепость простояла пустой не одну сотню лет, а тут пришли мы, понаставили караулов и ждем нападения невесть кого. Никому она не нужна, эта крепость, – вызывающе проговорил стражник, бросая взгляд на притихшего человека в капюшоне, и добавил, обращаясь к напарнику, – иди-ка, смени меня, я чуток погреюсь.

– Ну не знаю, – пожал плечами второй стражник, нехотя вставая с огромной деревянной чурки, которая заменяла ему стул. – Крепость как крепость, странная, конечно: ни тебе крепостной стены, ни валов, ни рва, да только мало ли чего необычного в мире.

Надо отметить, что крепость, действительно, была несколько своеобразна и более подходила на одинокий форт, расположенный на вершине скалы. Главная башня имела прямоугольную форму длиной порядка восьмидесяти ярдов и шириной около сорока, с небольшим прямоугольным внутренним двориком и высотой сооружения около двадцати ярдов. Примыкающие к углам полукруглые выступающие башни придавали замку воинственный вид и в то же время изящно завершали архитектурный ансамбль этого трехэтажного сооружения.

В какой-то мере стражник был прав: спрятанный в горах замок был давным-давно заброшен и на самом деле его возраст исчислялся далеко не парами столетий. Построенный на небольшом плато, он появлялся перед глазами путников только тогда, когда по еле заметной тропе к нему подбирались почти вплотную. Заслоненный со всех сторон пиками вершин, он был совершенно незаметен, словно его строители сознательно прятали его от любопытных

глаз. Кто и для каких целей выстроил этот замок, оставалось только гадать, поскольку никаких видимых стратегических задач он выполнить не мог.

Тем не менее, построен он когда-то был добротно и даже сейчас грозно смотрел своими пустыми бойницами, расположенными в три яруса по количеству находящимся в нем кольцевых этажей.

Что находилось ранее в этих бойницах, оставалось загадкой, поскольку ржа и труха, заполнявшая эти грозные «глаза» не позволяли идентифицировать лежащие там продолговатые предметы.

Попасть в замок было несколько затруднительно, поскольку единственный вход в него был завален грудой камней перехода второго яруса и давно превратился в единую каменную массу, намертво запечатавшую вход. Кроме этого обвала, весь второй этаж сохранился довольно неплохо, а первый и того лучше, чего нельзя было сказать о третьем этаже, внутренняя часть которого была практически разрушена и завалила своими камнями весь внутренний дворик.

В связи с некоторым затруднением в посещении замка основной лагерь с лошадьми, фуражом и припасами был расположен много ниже по тропинке в маленькой долине, а в самом замке находился небольшой гарнизон, занявший первый этаж и выставивший караул на башнях. Связь с внешним миром из замка осуществлялась посредством наспех сделанного подъемника, в котором могло разместиться несколько воинов.

– А может, раньше тут жили гномы, – выдвинул предположение Седой, усаживаясь на освободившееся место и с удовольствием вытягивая ноги. – Может, тут спрятаны несметные сокровища, которые они добыли в горах. А тут у них было хранилище. Вот бы найти, – мечтательно проговорил стражник.

– Тоже скажешь, – оглянулся на него второй, – стали бы гномы прятать свои сокровища на поверхности.

– Почему на поверхности? – удивился стражник. – Ты, Том, пойми, эта крепость построена у входа в гномье царство, а сам вход спрятан в подземелье, дверь в которое давече нашли маги.

Стражник покосился на фигуру в капюшоне и, видя, что тот не реагирует, уже смелее продолжил:

– Сержант говорил, что сопровождал мага, когда нашли дверь. Представляешь, этот, в капюшоне, просто постучал по стене посохом и вдруг в абсолютно глухой стене проступили контуры маленькой двери, затем оттуда сквозь щели засиял нестерпимо зеленый свет и со страшным скрипом дверь отворилась.

– И что там? – оторвался от наблюдения тот, кого стражник назвал Томом.

– А кто же его знает, кроме каменной лестницы, там больше ничего и не было видно, ну а вниз, знамо дело, его не пустили.

– Занятно, – восхитился Том, – а я думал, что их посохи могут только вместо факела светить, да вон воду в бутылке подогревать.

– Скажешь тоже, – презрительно проговорил стражник, – на самом деле страшное оружие, одним движением из тебя факел сделает. Я лично видел, как один такой маг кидал огненными шарами размером в твою голову.

– Вон оно как, – уважительно прошептал Том и прильнул опять к кристаллу.

На несколько минут повисла тишина, затем Том, не выдержав, обернулся и шепотом произнес:

– А как гномы рассердятся, что мы их добро нашли?

– Нашли! Его еще найти надо, – усмехнулся стражник. – А насчет гномов ты не беспокойся, во-первых, говорят их уже тысячу лет никто не видел, а во-вторых, мы ведь тоже не бабы

немощные, чай тут все, кроме тебя, ветераны, не в одном бою проверенные, да и маги, само собой, сила не маленькая, – понизив голос покосился он на человека в капюшоне.

– Ну-ка тихо, – вдруг встрепнулся маг и, опершись на зубец башни, пристально стал вглядываться в темноту. – Есть тут кто-то, – прошептал он и указал посохом в сторону северной башни, – туда смотри.

Седой подошел к Тому, помог перенести закрепленный в рамке кристалл на боковую сторону башни, и прильнув к нему попытался разглядеть непрошеного гостя.

«Магический кристалл» позволял видеть происходящее на большом расстоянии не только днем, но и ночью. Правда, изображение ночью несколько расплывалось и подрагивало, да и отливало зеленью, но это было не помехой для опытного наблюдателя, каким, собственно, и был Седой. Он прильнул к кристаллу и словно на ладони увидел северную башню со всеми ее выщерблинами и неровностями. Вон Шрам прильнул к бутылке, и, похоже, у него там не вода, конечно, ведь с ним не сидит безмолвный маг, контролирующий каждое движение.

«Не люблю магов», – подумалось Седому. И в то же мгновение, словно прочитав его мысли, тот недовольно произнес:

– Не туда, на стену смотри.

– Нет там никого, – недовольно произнес Седой, скорректировав положение кристалла и повинаясь жесту мага, отошел в сторону, уступая тому место.

Тот долго и внимательно смотрел в кристалл, и, оторвавшись от него, задумчиво произнес:

– Ничего. Пойду я пройду, проверю, все ли в порядке, а вы тут глядите в оба, кристалл поставьте на место и наблюдайте за местностью.

– Да кто там может быть? – пробормотал Том, помогая Седому установить кристалл. – Там же отвесная стена.

– Много ты понимаешь, – буркнул в ответ Седой, доставая из кармана фляжку и прикладываясь к ней. – Хорошо, а то думал уж весь караул на сухую, – проговорил он, протягивая фляжку Тому.

Тот тревожно посмотрел вслед ушедшему магу и торопливо сделал глоток:

– И вправду хорошо, словно кипяток пошел по жилам. Так ты думаешь, кто-то рискнет взобраться по такой стене, если он не паук?

– Что такое отвесная стена для настоящих мастеров? – проговорил Седой, отбирая фляжку у Тома и делая большой глоток. – Был у нас в роте один умелец, так он мог по отвесным скалам лазить без всякого снаряжения. Как-то даже на спор залез на крепостную стену, а она была ярдов десять-двенадцать. Вот ведь, собака, наловчился пальцами цепляться за маленькие неровности, и так это у него ловко получалось. Мастер, одно слово. Никто повторить его трюк не мог. Вот так-то.

– А где он сейчас? – поинтересовался Том, поглядывая на фляжку.

– Погиб он. Лет этак десять уже. Надо отметить, воин он был никудышный. Ему бы где в цирке выступать, а он... – Седой глотнул еще из бутылки и спрятал ее в кармане.

Разговор затих, Седой прикрыл глаза и тихонько засопел. Том прильнул к кристаллу, невольно прислушиваясь к сопению Седого.

«Вот так подкрадется кто со спины», – недовольно подумалось ему.

Он оглянулся и опасливо покосился на черный провал лестницы и поежился. «И этот еще, похоже, заснул, как можно спать в такой неудобной позе?» – раздраженно покачал головой Том. Он попробовал вновь прильнуть к кристаллу, но непонятный шорох наполнил его сердце вначале беспокойством, а затем и состоянием, близким к ужасу, заставившим его обернуться.

– Седой? Слышишь, Седой? – прошептал он напарнику, чья голова склонилась к коленам. – Седой, да проснись ты, там, кажется, есть кто, мне, может, того, в колокол позвонить, а?

Он потянул к Седому руку, и тут какое-то насекомое больно ужалило его в шею. Том инстинктивно прихлопнул его, но вместо насекомого пальцы нащупали какой-то шип, ноги его подкосились, и он мягко опустился на пол.

Черная тень осторожно выскользнула из-за зубца башни, подошла к Тому, подняла его и осторожно пристроила у каркаса с кристаллом. Отошла, и, по-видимому, удовлетворившись композицией, создававшей иллюзию, что человек за чем-то внимательно наблюдает, удовлетворенно «прошелестела»:

– Отлично, теперь маг, – и растворилась в темноте лестницы. Прокралась по галерее второго этажа в сторону Северной башни, замерла, услышав шаги.

Возвращающийся маг тоже замер, почувствовав чье-то присутствие. Повел перед собой жезлом, разгоняя мрак, и точным движением направил огненный шар в сторону притаившийся «тень». Шар мгновенно достиг цели и бесшумно разорвал «тень» на бессчетное количество черных лоскутков, которые с едва заметным свечением плавно и завораживающе стали опускаться на пол.

Маг растерянно смотрел на сотворенное им самим действо, по-видимому, ожидая совершенно иного результата, медленно стал поднимать жезл, на основании которого змейкой извивалась молния, как на его затылок обрушился тяжелый удар, погасивший его разум. «Тень» едва слышно презрительно хмыкнула, пряча куда-то в темноту короткий тонкий меч, завершением которого был нанесен удар.

Весь бой занял несколько мгновений, оставив после себя тягучий запах грозы. «Тень» склонилась над магом, подхватила его на руки и оттащила в ближайшее помещение, пустые проемы которого окольцовывали внутреннюю часть этажа. Еще мгновение, и она спустилась на первый уровень, осторожно пробралась мимо «задумавшегося» стражника, охранявшего вход в казармы, и, обогнув коридор, осторожно приблизилась к месту, где, по словам Седого, нашли потайную дверь. На самом деле никакой двери видно и не было, только ровная стена, но, несмотря на это, «Тень» довольно уверенно подошла к ней, надавила, дверь провалилась внутрь и после небольших манипуляций отъехала в сторону.

Пройдя внутрь на маленькую площадку, «Тень» бесшумно закрыла за собой дверь, и замерла. Каменная лестница круто спускалась вниз, представляя собой маленький туннель, словно каким-то гигантским лезвием вырезанный в горной породе. Где-то там, внизу, в крошечной темноте трепетал клочок света, которому явно не хватало усилия хоть немного осветить путь. По-видимому, это не стало неприятным сюрпризом для «Тени», и она быстро, но в тоже время бесшумно, словно приведение, которых, по словам суеверных солдат, было полно в этом замке, спустилась вниз. Лестница переросла в длинный каменный коридор, оканчивающийся наполовину приоткрытой дверью, из-за которой, собственно, и выглядывала полоска света.

Еще мгновение, и «Тень» проскользнула в приоткрытую дверь и попала в небольшое помещение. В полумраке догорающих свечей в огромном канделябре, стоящем на не менее большом столе, в уютном мягком кресле дремал пожилой мужчина в белой отороченной мехом мантии. Капюшон мантии был откинут, открывая длинные седые волосы, рассыпанные по плечам, и небольшую опрятную бородку.

Казалось, за столом сидит важный вельможа, утомившийся разбором груды свитков, которые небрежно были разбросаны на упомянутом уже столе, занимающем практически треть комнаты.

Собственно, кроме этого стола да еще пары мягких стульев, придвинутых к нему, в комнате находился огромный шкаф, уходящий в высоту ярдов на пять и подпирающий собой потолок. Из-за шкафа слышалась возня и какое-то шуршание, заставившее «Тень» прижаться к стене и практически слиться с нею.

«Тень» поднесла ко рту щепотку пальцев, подула на них и словно пустила в сторону стола невидимый шарик. Свечи вспыхнули и погасли.

– Кто здесь? – мгновенно встрепенулся вельможа, и у него в руках оказался меч, который своим голубым сиянием разогнал образовавшийся сумрак.

На деле вельможа оказался полным сил молодым человеком, который, пружинисто встав, показал мощь своей статной фигуры, а из закатавшихся рукавов хищно блеснула тонкая кольчуга. Маг, боевой маг, вот это кто был, а никакой не вельможа, и уж совершенно не пожилой мужчина. Он уверенно сместился к двери, выставив перед собой мерцающий клинок, и внимательно оглядел комнату.

– Пард, неси свечи, – громко проговорил маг, – наблюдая, как темнота все сильнее окутывает комнату.

Маг вновь рассек воздух перед собой, клинок вновь засиял, разбрасывая лоскутья темноты по углам.

– Пард! – нетерпеливо повторил маг.

Из-за шкафа медленно «выплыла» фигура сторбленного старца, неторопливо подошла к столу и от маленькой свечи, которая была в его руках, подожгла свечи в канделябре.

– Мастер, я кое-что еще нашел в той трухе, что когда-то была книгами и свитками, – начал было он, но его перебил нетерпеливый голос.

– Помолчи, Пард, тут кто-то есть.

Свечи разгорелись, отгоняя сумрак.

– Заставь их гореть ярче.

– Вы же знаете, что это ненадолго, – пожал плечами старик и что-то прошептал хриплым и шипящим голосом.

Пламя свечей вздрогнуло и загорелось ярким пламенем, заставившим осветиться комнату так, словно сюда заглянуло утреннее солнышко. Стали видны стены комнаты, покрытые непонятной вязью и странными рисунками. Стали видны шкафы, да-да, это были шкафы, а не один большой шкаф, в шахматном порядке стоявшие друг за другом. Стал виден черный, словно ночное небо, высокий потолок, конусом свисавший над ними.

Две пары глаз одновременно посмотрели друг на друга.

– Тут никого нет, мастер, – разбавил тишину старец, – если только оно не зацепилось за потолок, свет туда не достает.

– Кто «оно»? – спросил маг. – Ты тоже кого-то почувствовал?

– Я говорю о существе, которое, как Вам кажется, спряталось в этой комнате. Я же никого тут не чувствую.

– Зато я чувствую. Залезь на стол и подними свечи повыше.

Не успел маг проговорить эти слова, как свечи, словно в насмешку, стали гаснуть одна за другой, почти погрузив комнату в сумрак, лишь свет от меча помешал темноте победить.

– Я Вам говорил, – с упреком сказал старец, – свечи сильно ярко горели.

– Так сходи за новыми, – хладнокровно парировал маг, – а еще лучше принеси десяток факелов, только поспешай.

Старик послушно вышел, а маг криво усмехнулся и зловеще проговорил в темноту:

– Поиграть решил?

Не услышав ничего в ответ, маг вдруг сделал широкий разрез мечом возле себя и резким движением послал клинок острием вверх. Маленькая полоска света сорвалась с лезвия меча, и понеслась к потолку, разрастаясь на пути в огромный яркий шар. С негромким хлопком он ударился о потолок, на мгновение ослепительный свет озарил комнату и осыпался на пол мелкими догорающими частицами.

Комната погрузилась во мрак, что-то негромко упало и посыпалось.

– Что бы там ни было, оно уже должно быть мертво, – презрительно проговорил маг, чуть двигая мечом, который вновь стал наливаясь светом.

– Дело в том, что там ничего и не было, – прошелестел ветер у его уха, а возле горла появился острый клинок.

– Ты все это время стоял за дверью, – попытался качнуть головой маг, но острие клинка еще глубже уперлось в его кадык. – Я всегда спросонья такой недогадливый. Надеюсь, ты не убил старика, он совсем безобидный.

– Я не убил старика, он беспрепятственно прошел вверх по лестнице. Думаю, у нас есть некоторое время побеседовать наедине.

– Почему ты уверен, что я буду с тобой беседовать? – презрительно спросил маг, сильнее сжимая рукоять меча.

– А почему, собственно, нет? Я пришел сюда забрать одну вещь, которая не принадлежит ни тебе, ни твоему братству, и я ее заберу.

– Что это за вещь, позволь поинтересоваться? – заинтригованно спросил маг.

– Мне нужен один свиток и минут десять времени, чтобы покинуть этот замок, если мы договоримся с тобой, никто не пострадает, и каждый останется при своих интересах.

– У меня другое предложение, – покривил губы маг. – Ты сейчас убираешься вон, и я даю тебе пять минут форы, чтобы попытаться унести отсюда ноги. Если мои люди тебя поймают, я повешу тебя на стенах замка. Если ты бросишь сейчас свою железку, которой тычешь мне в горло, и сдашься, я, возможно, оставлю тебя в живых в обмен на информацию, по чьему заданию ты здесь и что ищешь.

– Я даю тебе десять секунд подумать, – прошелестел голос, – мне все равно, останешься ты жить после моего ухода или нет, просто я считаю, что то, зачем я сюда пришел, не стоит твоей жизни.

– Хорошо, – проговорил маг после десятисекундной паузы.

Давление на горло ослабло, затем клинок исчез. Маг почувствовал, что сзади него никого нет. Он сделал шаг вперед, затем развернулся, оперся рукой на стол и вдруг резким движением опрокинул его на бок и укрылся за своеобразным щитом. Широкий взмах мечом, и над комнатой повис небольшой желтый шар, озаривший комнату.

В двух шагах от мага стоял невысокий щуплый человек, одетый в пятнистую, слегка мешковатую темно-серую одежду, скрывавшую его вплоть до лица.

– Нин, – презрительно проговорил маг.

– Уходи, – нетерпеливо произнес человек.

Маг осторожно обошел опрокинутый стол и, не торопясь, двинулся в сторону двери. Светящийся шар медленно потянулся за ним, оставляя за собой длинный, прозрачный, слегка переливающийся хвост. Когда до приоткрытой двери осталось пару шагов, маг шумно вздохнул, и в тот же миг шар рассыпался на несколько ярко вспыхнувших шариков, мгновенно ринувшихся в сторону застывшей фигуры нина.

Нин был наготове и мгновенно развернулся боком к летящим в его сторону огненным шарикам, отбил мечом один из них, и, изогнувшись, словно его тело было таким же гибким, как лоза в руках мастера, плетущего корзины, чудом проскользнул между оставшимися.

Маг мгновенно атаковал не успевшего принять боевую стойку нина, тот ловко ушел в сторону боковым перекатом, и меч мага зловеще просвистел вслед уходящей фигуре. Шарики синхронно ударились в стену, возле которой еще миг назад стоял нин, и ярко вспыхнули, оставляя на стене большие неопрятные черные пятна.

Маг «выдохнул» еще раз, в его левой ладони расцвел еще один шар, и он, не дав опомниться нину, заканчивающему движение, запустил шар в него.

Выполнив невероятный акробатический трюк, нин пропустил летящий шар под собой, оказался на ногах и чудом уклонился от широкого взмаха меча мага. Раздался треск разрезае-

мой одежды, а за спиной разгорелся костер из-за загоревшегося стола, в который попал огненный шар.

Меч мага, сделав петлю, вернулся, собираясь довершить начатое, но нина на его траектории уже не было. Совершив боковое движение, он мгновенно оказался за спиной мага. Нога в мягком сапоге ударила того в пах со спины, а последовавший следом молниеносный взмах клинком разрезал сухожилия на правой ноге.

– Тебя следовало бы убить, – прошептала «Тень», поднимая беззвучно стонущего мага и выталкивая того за дверь.

– Охрану, быстро! – крикнул тот Парду, который нес в одной руке большей канделябр с зажженными свечами, а во второй – несколько факелов подмышкой.

Оценив ситуацию, Пард поставил на ступеньку лестницы свечи, бросил факелы и побежал наверх, громко крича:

– ОХРАНА!!!

Дверь закрылась, отрезая комнату от звуков кричащего старика.

– Никогда не стоит доверять магам, – презрительно пожала плечами «Тень», наклоняясь к основанию двери и ощупывая пол.

После некоторых манипуляций в стене что-то лязгнуло и слегка заскрипело. Дверь «вздогнула» и намертво застопорилась.

– Вот так-то лучше. Магия, она, конечно, хорошо, но иногда и простая механика не хуже. Ну, по крайней мере, минут на десять ее точно хватит, а мне более и не надо. Хотя, конечно, кто его знает, что там внутри. По идее должны быть стальные штыри, только что там от них осталось за это время.

Приговаривая себе это под нос, «Тень» уверенно подошла к горящему столу и стала собирать разбросанные возле него свитки, внимательно разглядывала их и бросала один за другим в костер. Через некоторое время она, по-видимому, нашла что-то интересное, поскольку не отбросила свиток, как остальные, а стала внимательно его изучать. Через минуту «Тень» удовлетворенно кивнула и произнесла себе под нос:

– Определенно это то, что надо.

«Тень» вернулась к стене и стала внимательно разглядывать замысловатую вязь. Удовлетворившись осмотром, она сняла с руки перчатку и ослепительно белой на фоне серой одежды рукой стала выстукивать в определенном ритме символы на стене.

Через несколько мгновений на стене засветились отдельные фрагменты вязи, «Тень» что-то прошептала. В стене ярко вспыхнуло и замерцало голубое сияние, образовав большой «живой» переливающийся овал. Сияние подрагивало, то слегка надуваясь, то опадая, переливаясь всеми оттенками синего цвета.

– Отлично, – обрадовалась «Тень», – можно заняться и собой.

Она скинула с себя одежду, обнажив свое тело.

«Тень» оказалась стройной женщиной, точеная фигура которой вызвала бы бурю восторгов и зависти, будь в этом помещении другие представительницы прекраснейшей половины человечества. Мало кто мог бы поверить, что еще несколько мгновений назад эта хрупкая женщина, внимательно осматривавшая свое тело, запросто уложила боевого мага, потратив на это несколько секунд.

Тем временем, осмотрев свою рану, «Тень», проворчав что-то вроде «жить будем», достала из заплечного мешка маленький рулончик белой ленты, аккуратно приклеила полоску на довольно внушительный порез, кровь из которого, на удивление, уже не сочилась.

– Ну, вроде бы все, – удовлетворенно пробормотала она, еще раз оглядев себя. Порывшись, девушка вытащила из мешка небольшой сверток, оказавшийся одеждой, не спеша натянула ее на себя, превратившись в неопределенного возраста молодого человека. Подпоясалась

мечом, убрала свиток за пазуху, кой-какие вещи по карманам, собрала прежнюю одежду и, не задумываясь, бросила ее в пылающий костер, в который превратился старый стол.

– Пора уходить, – пробормотала она, прислушиваясь к звукам, идущим из-за стены. Оттуда доставались довольно увесистые удары. – Ага, дверь таранят. Разумно. Явно старая конструкция не выдержит. Ладно, последний аккорд...

«Тень» подошла к шкафу, уперлась ногой в стену и потянула. На удивление массивный шкаф поддался, слегка отъехал в сторону, и, словно налетев на какое-то препятствие, резко остановился. От толчка часть свитков попадали на пол.

– Столько мудрости, которая никому не достанется, – покачала головой «Тень», затем нагнулась, отодвинула маленький лючок и повернула рычаг. Из глубины послышался монотонный стук, словно включился неведомый зловещий метроном.

– Ну, вот теперь точно все. Конец, – с сожалением проговорила «Тень» и подошла к сиянию в стене.

Удары в дверь стали значительно сильнее, она сотрясалась от мощных толчков, а из-за стены стали слышны слова команды.

«Тень», не раздумывая, подошла к двери и, сложив руки рупором, громко произнесла:

– Бегите, глупцы, через минуту тут не останется камня на камне.

Удары в дверь прекратились.

– Бегите отсюда немедленно, – повторила «Тень» и повернулась к сиянию.

Не успела она сделать и шаг, как за стеной раздалась команда, и удары возобновились.

– Я вряд ли могу сделать что-нибудь еще, – с сожалением прошептала она и вступила в сияющий овал. Еще мгновение, и сияние выгнулось дугой, словно надутый мыльный пузырь, затем мгновенно опало и погасло.

В комнате запахло грозой, и повисла зловещая тишина, нарушаемая гулкими ударами и нарастающим звуком «гигантского метронома».

– Смена, к тарану, – скомандовал седой сержант с обратной стороны двери.

В узком коридоре четыре человека подошли к своим товарищам, заменили их у тарана и по команде сержанта продолжили разбивать дверь, от которой отвалились уже заметные куски, обнажая кое-где железные штыри, вошедшие в дверь из пола и так надежно ее блокирующие.

– Еще немного, уже поддается, – подбодрил своих подчиненных сержант. Те еще энергичнее принялись наносить удары.

– Сержант, смотри, – раздался возглас одного из воинов отдыхающей смены, указывая рукой на маленькую вертикальную полоску под факелом.

Тот подошел к стене, пощупал ее рукой и зычно произнес:

– Стоять.

Смена с тараном после нескольких ударов замерла, а с глубины коридора послышались возгласы, «вон еще трещина», «и тут», «тут тоже».

Трещины быстро расширялись, покрывая в сумраке чадающих факелов мелкой сеткой стены коридора.

– Всем наверх! – скомандовал сержант. Люди соскочили со своих мест и, резво добежав до лестницы, стали подниматься наверх. Вслед им громко стучали звуки метронома, становясь все громче и зловещее.

– Дверь заклинило, – раздался голос сверху, не пролезть. – Эй, помогите кто-нибудь, тут нужен рычаг.

Но на его крик никто не отозвался, по всей северной стороне замка ползли широкие трещины, заставляя обрушиваться вниз целые глыбы. Остатки третьего этажа развалились, второй этаж затрещал и тоже начал обваливаться, а гарнизон спешно эвакуировался.

Еще несколько минут, и вся северная и западная части замка внезапно ушли вниз, словно были поглощены гигантским великаном, которому вдруг пришло в голову полакомиться забавным угощением.

Остатки спасшегося гарнизона отступали по ночной тропе к лагерю, с ужасом оглядываясь на затянутые пылью развалины некогда прекрасного замка.

В комнате было жарко. Настолько жарко, что струйка пота покатилась по спине стоящего грузного человека, с задумчивостью трогающего свою иссиня черную бороду, так ясно выделяющуюся на фоне белоснежной мантии. Мужчина переминался с ноги на ногу, пытаясь принять удобную позу и замереть так же, как замер молодой, полный сил человек, стоящий чуть впереди него в такой же белоснежной мантии, только без золотистых разводов и вензелей.

«Совсем еще молодой, а уже „Мастер-маг, Разделяющий Таинство Смерти“, и к тому же сын Гроссмейстера», – подумал грузный мужчина и с удовольствием прислушался, как того распекает бледный худой старик, который, собственно, и был самим гроссмейстером.

Нотация длилась уже несколько минут, и обстановка в полумраке кабинета, где из источников света были только отсвет от горящего камина и слабое свечение от оранжевого хрустального шара на столе, накалялась, и мужчина с некоторой опаской ожидал взрыва.

Гроссмейстер был не в духе и явно давал это понять присутствующим. Он бесконечно долго описывал провал экспедиции, «виновник в котором должен задуматься и осознать свою вину перед орденом». Казалось, эта нотация не закончится никогда, но, наконец, «желчь», переполнявшая его, была полностью излита, старик замолчал и еле заметным кивком отпустил стоящего перед собой мага.

– Ну и что Вы обо всем этом думаете, Великий Инквистор? – раздосадованно спросил своего собеседника, стоящего перед ним, убеленный сединами старик, недовольно посматривая на закрытую дверь, через которую только что вышел, сильно хромая, маг. Он с неприязнью отряхнул со своей алой с золотом мантии несуществующие соринки, что, как показывал опыт, означало крайнюю степень негодования. – Ну, говорите, говорите, – раздраженно произнес он, продолжая стряхивать невидимый сор с мантии своими худыми руками, с длинными морщинистыми кистями, больше напоминавшими лапы какой-то огромной птицы, чуть кривоватыми пальцами с потемневшими неопрятными ногтями.

– Ну что Вы молчите, Инквистор?

– Странная история, Гроссмейстер, – осторожно ответил ему собеседник, слегка потирая на своем лице черную заостренную бородку.

– Странная? Да о чем Вы говорите, Инквистор. Боевой маг. Мастер-маг, Разделяющий Таинство Смерти, не смог справиться с каким-то нинем? Куда мы катимся, инквистор? Наша молодежь уже совсем не способна на какие-то самостоятельные действия? Что Вы молчите, Инквистор?

– История действительно странная, Гроссмейстер. Странная и непонятная. А меня всегда настораживают непонятные вещи. И дело тут собственно совсем как мне кажется не в нине. Вернее, нин – это так, мелочь, ну появился, где его не ждали, ну дал отпор, какой от него не ожидали. Что Вы хотите, Гроссмейстер, на то он и нин. Он отлично знал, куда он идет и с кем столкнется. Вот что удивительно.

– Продолжайте, Великий Инквистор, – кивнул замолчавшему вдруг мужчине Гроссмейстер, встав со своего кресла и подойдя к камину в котором жарко горел огонь, протянул к нему руки.

Свет от камина заиграл на мантии гроссмейстера загадочными цветами, заставившими отвлечься от разговора стоящего мужчину.

– Я хочу сказать, Гроссмейстер, – оторвался от любопытной игры красок Инквистор, – меня сейчас больше беспокоит совсем другое. Нам совсем недавно удалось собрать всю инфор-

мацию по замку Шоск и возможным артефактам, хранящимся в нем. Посвященные несколько лет по крупицам собирали всю информацию и, как только мы определили его местонахождение, не мешкая выслали экспедицию. Прибывшая экспедиция нашла замок в запустении, и впечатление создавалось, что его не посещали без малого несколько столетий, хотя наш архитектор и сомневается в таких сроках, поскольку ему кажется, что за такой срок замок в горах пришел бы в полный упадок.

– Он и пришел в упадок, Инквистор, – лениво пожал плечами Гроссмейстер.

– В принципе, да. Может быть. Я в этом слабо разбираюсь, Гроссмейстер. Я сейчас говорю о другом. Стоило нам занять пустующий и, как казалось, забытый всеми замок, как в самый разгар исследований появляется какой-то субъект, беспрепятственно проникающий в сердце наших изысканий, так, как будто он отлично знал, куда ему надо, как туда попасть и когда. Напомню, Гроссмейстер, эту дверь нельзя найти даже днем. Наш лучший поисковик потратил восемь дней на ее поиски, а он примерно знал, где ее искать. А это безапелляционное заявление, что ему надо забрать нечто, что нам не принадлежит?

– Заметьте, Инквистор, нечто, что нам не принадлежит, совершенно не означает, что это принадлежит ему или пославшим его людям.

– Да, согласен, Гроссмейстер. Я, собственно, не размышлял в этом русле.

– Понятно, – повернул голову к нему Гроссмейстер. – У Вас, как я понимаю, есть несколько вариантов.

Великий инквестор поклонился.

– Вы думаете, что у нас налицо утечка информации?

– Возможно, Гроссмейстер. Хотя не стоит отбрасывать и другие варианты.

– Например, – поинтересовался Гроссмейстер, отворачиваясь к камину.

– Один из вариантов, что кто-то уже давно знает про замок и хранившиеся в нем артефакты.

– Интересная версия, – согласился Гроссмейстер, – и понемногу таскает артефакты по мере необходимости.

– Или как вариант, какой-то тайный орден – хранитель артефактов и самой крепости, который, узнав, что мы заняли замок, решил скрыть тайные знания, разрушив замок. Кстати, неплохой вариант.

– Плохой, – скривил губы Гроссмейстер. – За такое короткое время договориться с ним и привести его сюда? Насколько мне не изменяет память, их ареал не распространен на эту местность.

– Думаю, вариант вполне жизнеспособный, – осторожно заметил Великий Инквистор. – Как-то странно вел себя нин. Ни одного трупа по пути его следования. Два обездвиженных колючкой с ядом стражника, оглушенный маг, и раненый мастер. Нины обычно не церемонятся. Так, может, это и был вовсе кто-то другой? Таинственный орден?

– Жаль, что его не удалось взять. Думаю, одной загадкой было бы меньше, – покачал головой Гроссмейстер. А что до потерь, не думаю, что нины рискнули бы убивать моих людей. Ну не самоубийцы же они.

– При всем моем уважении, Гроссмейстер, я думаю, Вы не правы. Мне кажется, у Мастер-мага не было ни одного шанса победить в той схватке. Это был кто-то гораздо могущественнее, чем нин.

– Старая кровь?

– Может быть, Гроссмейстер.

– Хорошо, идите разрабатывайте Ваши гипотезы, Великий Инквистор. Поручите посвященным заняться этим делом в особом порядке. Оно мне кажется очень интересным. Но и вариант с нимом не сбрасывайте со счетов. Пусть командор займется ими, у него есть

выход на главу клана, насколько я помню. Да и это таинственное разрушение крепости. Мне не все тут понятно. Идите уже.

– Слушаюсь, Гроссмейстер.

Великий Инквистер поклонился и вышел из комнаты.

Гроссмейстер подошел к столу, постучал ногтем по хрустальному шару, и тот ярко засиял, залил стол приятным, чуть желтоватым светом.

– Жанна! – негромко позвал Гроссмейстер, удобно устраиваясь в кресле.

– Да, отец, – неслышно выступила из темноты тоненькая фигура, одетая в простенькое темное платье.

– Что у нас плохого, кроме того происшествия, о котором рассказал только что твой брат? Да, и подкинь дров в камин, не могу сегодня согреться.

– Ты очень много отдаешь работе магических сил, – с укоризной проговорила девушка, подкидывая поленья в камин.

– Глупая, работе невозможно отдавать много или мало сил. Ей надо отдавать все силы, только тогда можно добиться своей цели. Не иначе. Так что у нас там?

– Смотрящие за трактом имеют подозрение, что кто-то использовал «темную тропу».

– Вот как? – удивился старик. – Это были люди Понтифика?

– Сомневаюсь. Дело в том, что в этой местности нет «темных мостов».

– Боюсь, что ты ошибаешься, девочка. Даже Великий Понтифик не знает о всех. А ведь он, по сути, «Строитель мостов», именно так переводится его звание.

– Тем не менее, мы связались с его людьми, они отрицают сам факт существования там «темного пути».

– Так они вам и сказали. Если бы запрос сделал я, может, Понтифик и что-то пояснил. Но он знает, что я ничего у него не попрошу. Тем не менее, их ответ развязывает нам руки. Приведите-ка ко мне этого человека.

– Хорошо, отец. Только есть одна сложность, она находится в Павеске, а это уже территория Андрии. Ты всегда был против осложнения отношений с этой страной.

– Уже в Павеске, и это женщина? Вы что, ее упустили? Как она могла так быстро добраться до Павеска. Или информация до меня стала доходить с опозданием? – несмотря на то, что последние слова были произнесены вполголоса, тон слов Гроссмейстера стал угрожающим.

– Нет, отец. Просто она вышла почти у самого Павеска.

– Но, Жанна, это просто невозможно, в тех местах не может быть никаких «темных троп». Открою тебе тайну, которую подарил мне Великий Понтифик, когда у нас с ним еще были почти дружеские отношения. Возле поселений невозможно проложить «мосты».

– Тем не менее, отец, смотрящие настаивают, что ошибки быть не может.

– Очень интересные события разворачиваются у нас, – с каким-то удовольствием потер руками гроссмейстер. – Жанна, я хочу познакомиться с этой таинственной незнакомкой.

– Да, отец. Мне послать туда квадр наемников, или это дорого?

– Пошли туда два квадра наемников. Эта женщина достойна хорошей охраны. Приведите ее ко мне невредимую, и пусть ничто не указывает на наше участие в этой кампании. Иди распорядись, Жанна, а потом подбрось еще дров, меня снова знобит...

Часть I

Патруль

Раннее утро, обычный, с весны, патруль по Староневежскому тракту, бывшему на протяжении 30 лет одним из самых безопасных торговых путей. Тракт тянулся от главного города провинции Аурелия, основанного около 300 лет тому назад предками нынешнего герцога Валенштайна, высланными на окраину объявленной им империи первым правителем Андрии Азеликсом Великим.

Надо отметить, что предки нынешнего герцога Валенштайна и были владыками земель, теперь называемыми Андрией, конечно, в более уменьшенном варианте, чем сейчас. Тем не менее, как гласят старые летописи, «не имея больше возможности противостоять пришедшим с севера рыцарям и дабы остановить кровопролитные битвы, владыка Варений Валенштайн XXVII сложил свой жезл власти в пользу Азеликса Великого». Правда, официальная версия гласит, что при битве у Пив Валенштайн был взят в плен, где он официально сложил с себя бремя правления и по его просьбе был отпущен на свободу с условием взять на себя охрану восточных рубежей остатками верных ему гвардейцев.

Каждый шаг свергнутого правителя был расписан в декларации передачи власти, и с тех пор не была нарушена ни одна статья этой декларации ни с той, ни с другой стороны. После того, как был заложен город Аурелия, названный, кстати, именем жены Варения, последовавшей за ним в ссылку, сын Эдуар основал замок Валенштайн и официально получил звание барона Валенштайна, подписав отказ от каких-либо претензий на земли Андрии. Надо отдать должное, что ни один Валенштайн никогда не был замечен в подозрительных связях, могущих бросить тень на его лояльность правящей династии. Именно с барона Эдуара Валенштайна I был введен обычай официально подтверждать свой отказ от каких-либо территориальных и иных претензий к правящей династии Андрии перед вступлением в наследственный или жалованный титул.

Если же говорить про Староневежский тракт, он протянулся от Аурелии, ставшим одним из крупнейших городов Андрии, не считая, конечно, столиц, и, в частности, замка Валенштайн, ставшего ныне одной из грозных крепостей Андрии, до города Карна и далее до крепости Павеск, зажатой с двух сторон неприступными горами, что делало ее одним из важнейших стратегических аванпостов.

Далее в тракт вливался пушной путь, уходивший на восток, а с юго-запада, параллельно реке Хивы, до границ которых в 4223 году Хиго Хитрый отбросил степняков и закрепился на левом берегу, шел металлический торговый путь.

Поговаривали, что именно на юго-западе живут гномы. Но каждый грамотный человек понимает, что гномов просто не существует, что и подтверждают те торговцы, которые привозят нам изделия из золота, железа и другого металла, коего в достатке и в Андрии, но то мастерство, с которым оно изготовлено, к сожалению, наши ремесленники постичь просто не в состоянии.

Кстати, если уж говорить о мифах, то в той же стороне где-то находится и земля эльфов, чьи товары частично доходят до нас в виде различного рода артефактов, шелка, ученых книг и другого прямо по реке Хива, не даром названной шелковым путем. Кстати, те же мифы гласят, что река Хива и делит мир эльфов и гномов, и в тех краях она далеко не так спокойна и нетороплива.

Весной и в этих местах она разливается на много миль, принося большие разрушения, но каждый год крестьяне возвращаются сюда, чтобы получить дивный урожай, какого

не бывает в других местах. Поговаривают, что это от того, что река бежит от страны эльфов, где голода не бывает совсем.

Ну а с юга, чтобы уж закончить наш экскурс, в Староневежский тракт исстари впадает торговый путь из Кузана, по которому приходят пряности, диковинные фрукты, изделия из кожи и дивные лошади. Именно за обладание этим центром, где сходятся столько торговых путей, и уникальную плодородность Хивской долины и вступили в противоборство властители Андрии, степные племена и Кузан, и ведут эти войны с переменным успехом уже на протяжении 200 лет.

Хивские степи. С давних времен от них исходила лютая угроза для крестьян Хивской долины. Степные воины слыли самыми безжалостными и многочисленными. Легкие стрелки на маленьких рогатых лошадях, они врываются в деревни, вырезают жителей, забирали в рабство детей и женщин, уводили скот и сжигали все на своем пути. Никакие договоры и дань не могли усмирить их.

Все это продолжалось до тех пор, пока на престол не взошел Азеликс Беспощадный, дед правящего императора Хиго Хитрого. Замирившись с соседями, женив единственного сына на Герийской принцессе, он собрал войско, в основе которого была легкая кавалерия и, бросив столицу на своего сына, будущего Аурикса Справедливого, в 4172 году он огнем и мечом стал выжигать степные просторы, грабя и убивая все на своем пути.

Бесчисленные обозы с награбленным заставляли алчных баронов пополнять его войска, и в итоге всего за год он отбросил кочевников до самого Кузанского Халифата, буквально опустошив степи. Именно тогда границы Андрии на юге раздвинулись до самых степей, захватив всю Хивскую долину. Встревоженный Кузанский халифат с опаской смотрел на этот марш, и справедливо решив, что такой сосед принесет много беспокойства границам Кузана, выдвинул свои войска навстречу Азеликсу, захватив, а вернее, «взяв под опеку» оставшиеся еще не уничтоженные племена.

Надо отдать должное, степняки очень редко нападали на поселения Кузана, помня свои давние и безуспешные походы и особо жестокий отпор, который давали воины халифата. Как бы то ни было, Кузан объявил об образовании новой провинции, занявшей по площади немалый кусок степи и вобравшей в себя почти все уцелевшие племена, о чем он официально поспешил объявить всем близлежащим государям.

Степным племенам пришлось присягнуть на верность хагану Хайскому, так стала называться новая провинция, образованная в 4173 году во времена первой Андрия-Хивской войны. Азеликс, мечтавший уничтожить всю степь, был немало взбешен этим вмешательством, но как мудрый правитель не мог не одобрить действия халифата и не понять, что с этой силой ему не совладать. По крайней мере, сейчас. Он прибыл на переговоры с хаганом, где и был подписан Первый Хивский мир, по которому были утверждены границы хаганата, принесены богатые дары великому воину Азелексу и пообещана беспопышная торговля на территории Кузана всем Купцам Андрии в течение 3-х лет.

Как бы то ни было, договор был подписан, уставшее воинство с триумфом вернулось в главную столицу. По этому поводу было роздано много наград и титулов, началось строительство фортов в приграничных районах, и поговаривали, что Азеликс задумал новые походы, когда вдруг он внезапно заболел и умер от неизвестной «степной болезни» весной 4174 года.

Его сын, Аурикс Справедливый, не унаследовал от своего отца тяги к баталиям, но был весьма сведущ в дипломатии во всех ее проявлениях. Недаром его правление отличалось сдержанной политикой. Одной лишь дипломатией он прекратил все конфликты с соседями, кроме Хайского Хаганата, который был его основной головной болью на протяжении всей жизни. Но, несмотря на постоянные степные стычки, до настоящих боевых действий дело не дошло, хотя на добрый мир это тоже смахивало довольно бледно.

Кстати говоря, умер этот великолепный правитель и дипломат в 4207 году в возрасте 58 лет, объезжая боевого скакуна. Этот скакун, подарок Кузанского халифата, был настолько свиреп и дик, что не только скинул Аурикса со своей необъезженной спины, но и умудрился затоптать его копытами раньше, чем слуги смогли помочь своему правителю. К тому времени все три его дочери были выданы замуж за соседей, и с западом у Андрии сложились самые замечательные отношения за всю 300-летнюю историю династии. Именно это дало возможность Богану Безземельному, а в народе так просто Бешеному, обратить свой взор на юг и в 4211 году попытаться повторить подвиг Азеликса.

К сожалению, горячность и молодость сыграли с ним дурную шутку, он завяз в Хивских степях, был практически разбит войсками Кузанского халифата и в итоге подписал Второй Хивский мир, по которому значительно отодвинул границы практически до крепости Павеск, растеряв все завоевания своего воинственного деда. Кстати, умер он от той же «степной болезни», что и его великий предок в 4213 году.

Так как Боган так и не нашел время жениться, то наследовал ему его младший брат – Хиго Хитрый, унаследовавший лучшие качества своего отца-дипломата, и деда-полководца. В 4221 году он интригами спровоцировал отделение Хайского Хаганата от ослабшего в «Морской войне» Кузанского халифата и в обмен за нейтралитет в этом конфликте в 4223 году заставил владыку Базанского княжества, так стали называть Хайский хаганат, отодвинуть границы по реке Хивы.

Это была грандиозная победа Хиго, который тем не менее понимал, что Базанское княжество никогда не смирится с этой потерей. Это и случилось в 4249 году, когда орды степняков хлынули в Хивскую долину. Хлынули и разбились об огромную армию Хиго, более половины которой состояла из войск соседей, связанных между собой династическими браками. А еще через месяц в войну вступил и Кузанский Халифат, еще недавно лстиво улыбавшийся своему окрепшему соседу, но всегда помнивший, чья провинция это была прежде. И вот Базанское княжество прекратило свое существование, границы империи вновь отодвинулись до границ, установленных Азеликсом Беспощадным, вновь появился Хайский хаганат. Цену за наступивший мир заплатили чудовищную. Говорят, степь вымерла, но и Андрия понесла ужасные потери, и если бы не разделила их со своими соседями, то победа была бы воистину не лучше поражения.

Практически все награбленное было подарено в знак благодарности соседям, а остатки войск должны были охранять новые границы империи. Немалые потери понес и Кузанский халифат, когда халифату доложили о потерях, говорят, что он горестно воскликнул, что торговать гораздо выгоднее.

Как бы то ни было, но именно на провинцию герцога Валленштайна была возложена особо тяжелая ноша по обеспечению продовольствием и фуражом. За год, пока тут стояли войска, многие деревни просто опустели, народ обнищал, на дорогах стало беспокойно, появились странные звери, стали случаться страшные дела.

Три года прошло после подписания Третьего Хивского мира, а Андрия все еще выплачивала долг своим соседям, все еще беспокойно было в провинциях, и чтоб положить конец происходящему, указом герцога Валленштейна, именем императора было приказано всем старостам деревень, мэриям свободных городов, баронам и владетельным графам навести порядок как в своих владениях, так и в прилегающих к ним свободных деревнях и городах, дабы прекратить бесчинства и грабежи. Одной из таких мер было возрождение вдоль всего Староневежского тракта застав для охраны как самого тракта, так и близлежащих к нему деревень.

Расположили заставы в крупных деревнях на расстоянии 40—45 миль друг от друга. Представляла эта застава собой большой бревенчатый дом, являвшийся своего рода казармой, огороженной высоким деревянным частоколом, имеющим высокую смотровую вышку, рядом — подсобные помещения, включая продуктовый подвал и яму для содержания арестованных,

а также маленький сруб – помещение, где жил прикомандированный лейтенант из самого замка Валенштайна.

Контингент заставы составлял обычно полсотни ратников, из которых пятую часть составляли воины из Карнского либо Павеского гарнизонов, которые играли роль сержантов, так как остальную часть составляли рекруты из числа крестьян и ремесленников близлежащих поселений. Основной задачей заставы, кроме охраны деревни, в которой они располагались, было постоянное патрулирование Староневежского тракта и наведывание по пути от заставы к заставе во все близлежащие деревни и поселки. Такие рейды свели почти на нет дерзкие нападения на купцов и обозников со стороны расплодившихся банд лихих людей, так как патрули хоть и составляли люд мастеровой и крестьянский, но дрались люто и крепко, а под руководством сержантов так и вовсе превосходно.

Именно такой патруль ранним весенним утром выехал от заставы, находящейся у деревни Маушино, в сторону заставы у деревни Петухово, последней заставы перед Павеском, где заканчивались лесные угодья империи или, лучше сказать, Валенштайна, и начиналась горная гряда, служившая неприступным форпостом уже не одно столетие. Двумя часами позже другой патруль от Маушино должен был выдвинуться в сторону заставы Лебединое озеро, а от Петухово в обе стороны патрули вышли еще час назад.

Единственное, чем выделялся патруль, был едущий позади него молодой человек, которого сержант называл лейтенантом. Лейтенант был прикомандирован к заставе по приказу капитана-коменданта замка Валенштайн «для укрепления и для применения практических навыков, полученных за время обучения в кадетском корпусе, созданном по указу Его Императорского Величия».

Младший сын барона Истре, погибшего, как и сотни других глав аристократических семей, в последнюю Хивскую кампанию, попал в кадетский корпус три года назад, когда таким же весенним утром Марель, его воспитатель и самый близкий после погибшего отца и старшего брата человек, привез его, 14-летнего подростка, в замок Валенштайн, где в течение пролетевших лет мальчик изучал военное искусство. В скором времени весь выпуск должен будет быть отправлен в военные гарнизоны для несения воинской службы во благо империи. Так что называть молодого человека лейтенантом было бы некоторым преувеличением, но именно так посчитал капитан-комендант нужным обозначить звание, с которым прибыл на заставу младший Истре. И именно желание выполнить первое в своей жизни назначение наилучшим образом заставило выдвинуться молодого человека с патрулем. Желание посмотреть все своими глазами, проверить правильность догадок предыдущего лейтенанта, который нес тут службу последние два месяца, и желание поделиться своими соображениями с лейтенантом заставы Петухово, который заступил в должность вместе с ним.

Несколько скептически настроенный по поводу целесообразности пеших патрулей Истре считал, что необходимы какие-то радикальные меры, вплоть до облавы объединенными силами близлежащих лесов, о чем и хотел поделиться с лейтенантом Петуховской заставы. Тем более что с ним у него сложились наиболее тесные отношения за время жизни в замке Валенштайн. Обдумывая свою будущую беседу, лейтенант не спеша ехал на своем гнедом жеребце. Вернее, жеребце из конюшен Валенштайна, который предпочитал именно темно-гнедых лошадей, по видимому, придерживаясь восточной пословицы: «Никогда не покупай рыжей лошади, продай вороную, заботься о белой, а сам ездь на гнедой». И хотя в конюшнях у него стояли лошади всех мастей, в конюшнях кадетов были только гнедые.

Как только патруль отошел на значительное расстояние, сержант подошел к лейтенанту и завел разговор.

– Вашей милости, наверное, уж наскучило плестись за нами. Вы бы того... езжали, рысью часа за 2 доберетесь, все с тамошним лейтенантом и обсудите да местность посмотрите. Места там замечательнейшие, кое-где лес в горы пошел, а чуть далее так скалы. Говорят, там тропы

тайные да перевалы, по которым торговый люд, что не хочет на въездную пошлину тратиться, ходит да люди лихие. Вам бы еще с капитаном-комендантом Павеска поговорить – он там всю свою жизнь прожил, все знает.

– Насчет рысью, ты, сержант, наверное, прав. Сил уж нет за вами плестись, а вот насчет гор, вряд ли оттуда лихой народ к нам набегами ходит. Местные они все, и прячутся по лесам, явно есть, где тут укрыться, – вон какие дремучие, – кивнул на лес вдоль тракта лейтенант.

– Да разве ж это дремучие? Нет, Ваша милость, вот дальше на север и восток – вот где тайга-то. Коли не знаешь примет – вовек не выберешься. Я ведь был с полком барона Рени, что по приказу императора ходил на разведку тех мест. Во где богатства. Пушной зверь ходит, не таясь, и в реках, говорят, золота россыпь добывать можно, а еще железом тот край богат. Я думаю, если б не война со степняками, во откуда богатство бы пришло.

Нас ведь встретило войско не войско: ни доспехов, ни мечей толком. Правда, да, лучники славные, но был бы приказ, мы бы их всех положили. Да только барон сказал, что тут дипломатией надо. А потом война, барон в степях сгинул, полк почти весь полег, да что говорить, сколько люда погибло. Больше походов туда никто не затевал. А что до разбойников, разбойники эти, правильно Вы, Ваша милость, говорите, местные это все. Кого война разорила, куда ж им идти – только разбойничать.

– Не пойму, ведь амнистию герцог объявил, выходи из леса – иди к земле. Так нет – разбойничают.

– Так, Ваша милость, я думаю, мало кто знает о амнистии той, ведь грамотных в шайках не ахти сколько, а атаман, что ж он, враг себе – рассказывать о милостях герцогских. Да и засасывает она, жизнь-то лихая, богатства дармовые.

– Да уж. Ну, я думаю, сержант, повыведем мы разбойников этих. Степь одолели, неужто их не одолеем?

– Одолеем, наверное. Только степь-то мы всем миром одолели, а тут помощи от местных никакой, ведь на сто миль кругом родственники, а как с родственниками воевать?

– А они как грабят и убивают? Тоже ведь родственники.

– Так оно, так, – сержант замолчал.

– Ладно, сержант, я, наверное, действительно рысью, пока все дела переделаю, вы с патрулем и подойдете, а там решим: или с утреча выйдем в обратный путь, или вечером я один с конным патрулем вернусь.

Сказав это, молодой лейтенант двинул пятками по бокам лошади и, явно красуясь в седле, как вихрь, обогнал патруль.

– Ох, молодость-молодость, – проворчал старый сержант, – я ведь, сынок, отца твоего знал. Серьезный воин был, жесткий, но в полку его любили, никому не давал простого солдата обижать, но строг был, ох, строг. Да только взяла война, да если б только его одного.

Сержант покачал головой, быстрым шагом обогнал подчиненных, попенял на сломанный строй, заставил ускорить шаг.

А молодой лейтенант, промчавшись пару миль, придержал коня, и уже неспешной рысью продолжил свой путь, с неожиданностью понимая, как нравится ему его новое назначение. Свобода, хоть и не совсем полная, но тем не менее это не в казармах в замке. Ах, как ему завидовали его товарищи, ах, как ему завидовал Гетор, бывший лейтенант Маушинской заставы, несколько дней назад отправившийся обратно в замок Валенштайн. Свобода. Он вспомнил, как три года назад они с братом так же свободно скакали в своем имении в Истре. Как, интересно, оно там сейчас? Как брат? Он очень редко пишет, но ничего, перед тем, как прибыть на новой место службы, он обязательно побывает у себя на родине, в родовом замке.

Фыркание лошади отвлекло Истре от дум, он всмотрелся вперед и увидел перевернутую карету, несколько лежавших вокруг нее человек. Истошный женский крик заставил его сжать бока лошади и, успев только подумать: «Разбойники», – галопом погнал лошадь вперед.

А у кареты заканчивался бой, вернее даже и не бой, а так, добивание раненых: трое, лежащих в разных позах, людей, одетых в бирюзовые безрукавки, были, по-видимому, уже мертвы, а с четвертым покончил один из двоих всадников, закованный в черную кольчугу. Еще два воина, спешившись, держали за руки молодую женщину с другой стороны лежащей кареты. Победа не просто далась нападшим: два закованных в черную кольчугу воина с закрытыми забралами на шлемах лежали у кареты с пробитыми болтами от арбалета телами.

«Четверо против одного», – пронеслось в голове у молодого человека, который, надо отдать ему должное, даже не сбавил бешеный темп своей лошади в ответ на такой факт. Еще мгновение, и раздался удивленный возглас, один из двух пеших что-то крикнул и указал рукой на лейтенанта. Всадники, как один, подняли арбалеты, и два болта почти одновременно сорвались в полет. Два глухих удара, и оба болта прочно застряли в маленьком щите лейтенанта, которым тот умело и, надо сказать, крайне удачно прикрылся. Оценив ситуацию, Истре справедливо предположил, что для перезарядки им потребуется время, и направил коня прямо на всадников, выхватив из ножен свой «бастард». Однако ситуация стала развиваться немного не так, как представил себе лейтенант. Один из «черных» всадников действительно отвлекся и стал перезаряжать арбалет. Другой вытащил чуть сверкнувший на солнце, слегка изогнутый, расширяющийся к концу, меч, невозмутимо стал ждать приближающегося к нему юношу.

«Пламенеющее лезвие», – мелькнуло в голове у лейтенанта. Но он тут же отбросил все мысли, ситуация была критическая, и размышлять просто не было времени, еще мгновение, и один из противников зарядит арбалет, а другой просто разрубит кольчугу, если у него в руках действительно то, о чем подумал лейтенант. «Действовать, действовать, действовать», – вспомнил Истре наставление инструктора. Отточенное движение, и щит, с громким щелчком выпустив в сторону четыре коротких лезвия, словно атлетический сверкающий диск, сорвался с локтя, пущенный мощной рукой. Почти мгновенно покрыв расстояние от Истре до всадника, он с такой силой попал в голову «арбалетчика», что буквально снес его с лошади. Еще мгновение, и юноша вихрем напал на второго всадника.

Тот, хладнокровно отбив атаку лейтенанта, одним движением перерубил его меч, будто это была обыкновенная палка. Все. Казалось, следующим движением он должен был расцечь Истре, но время словно остановилось для «черного всадника». Рука зависла в верхней точке, затем он медленно завалился на круп лошади, а лейтенант уже огибал карету, собираясь напасть на держащих женщину людей. Из-под рукава кольчуги лейтенанта торчал острый шип, которым он и «уколот» противника в момент, когда «потерял» свой меч. Сила выскакивающего шипа была способна пробить даже латы рыцаря не хуже арбалетного болта, сложность состояла только в том, что надо был подобраться на очень близкую дистанцию. Конечно, это оружие не из числа благородных, и использовать его «было мало чести», но ведь и называлось оно «последний шанс».

Тем не менее бой был не закончен. Видя, что оба всадника повержены, один из пеших бросил сквозь зубы своему товарищу:

– Держите ее, – подхватил лежащую на земле пику, и бросился атаковать лейтенанта, в руках которого был Кацбальгер, который имел неоспоримое преимущество перед кинжалами во время ближнего боя, но совершенно не годился для атак верхом. Лошадь заржала, встала на дыбы, и, не ожидавший такого подвоха, лейтенант вылетел из седла. Мгновение, и он уже на ногах и попытался сократить дистанцию с противником, ловко отбив пику, но рыцарь не позволил ему это осуществить. Отскочив назад, тот бросил пику и выхватил из ножен длинный меч. Оба противника замерли друг перед другом, каждый настороженно наблюдал за другим. «Черный воин» крутил петли, сохраняя инерцию меча. Истре ждал ошибки, позволявшей ему подобраться к противнику на расстояние удара. Все это заняло буквально ничтожную долю времени и вдруг, к изумлению лейтенанта, соперник рухнул на колени, а еще через мгновение

уткнулся лицом, или, вернее будет сказать, шлемом в землю, а из спины торчал болт от арбалета.

В трех шагах от него стояла бывшая пленница и хладнокровно перезаряжала арбалет. Каким образом ей удалось освободиться, осталось загадкой, но факт остается фактом: державший ее рыцарь лежал на спине и не подавал признаков жизни.

– Надеюсь, я не пожалею, оставив Вас в живых, мой милый спаситель, – нежно проворковала она.

Раздался треск спущенной тетивы, и болт унесся за спину лейтенанта и вонзился в «черного всадника», которого Истре поразил щитом. Он, оглушенный, попытался встать, но злощастный болт помешал ему в этом намерении.

– К Вашим услугам, мадемуазель, – произнес Истре.

– Мадам, – поправила его женщина. – Ну, и кто же мой спаситель? Хотя тут вопрос довольно спорный, но оставим пока это.

– Лейтенант Маушинской заставы господин Истре, – отчеканил молодой человек и вопросительно уставился на незнакомку.

– Зовите меня графиня, Истре. Я думаю, нам надо убираться отсюда, боюсь, что где-то стоит еще один отряд наемников. И второй удачной битвы нам не светит.

– Мадам, я и мой гарнизон к Вашим услугам.

– Мой милый Истре, знаю я Ваш гарнизон. Полсотни крестьян, не умеющих держать меч. Я думаю, нам надо быстро садиться на коней и лететь в сторону Карна, а Ваш гарнизон, если уж на то пошло, пусть наведет тут порядок да похоронит моих людей, а всех этих наемников свезет в Павеск. Впрочем, лучше нет, в Карн, я думаю, капитан захочет провести расследование. Надо все-таки понять, кто на меня напал, хотя тут и так понятно, что это наемники, а значит, и выяснить ничего не удастся.

Надо отметить, что гильдия наемников – одна из самых старых организаций в Андрии. Точно известно, что первый командор гильдии, или, как они тогда назывались, ордена, был военачальник Азеликса Великого – первого императора Андрии. В те времена гильдия наемников имела свою цитадель в столице и просуществовала до правления Хиго Хитрого, который основал множество гильдий под своим руководством (как торговых, так и ремесленных), но подчинить себе гильдию наемников не смог. Они, по слухам, имели какой-то документ, подписанный Азеликсом Великим, подтверждавшим их вольности. Тогда он просто распустил этот орден и запретил его деятельность на территории империи.

К тому времени уже очень многие бароны пользовались услугами этого воинственного ордена для решения своих проблем как по защите своих замков, так и для выполнения своих обязательств перед империей по комплектованию армий. Да и сами императоры с удовольствием отправляли воевать наемников, дисциплинированной и грозной для противника силы.

После официального роспуска ордена в Андрии, почти вся его верхушка была уничтожена тайным войском императора, а уцелевшие генералы бежали за границу империи. Говорят, новый расцвет ордена, теперь уже гильдии наемников, произошел как на западе, так и на востоке. Почти в каждом государстве были свои отделения гильдии, поддерживающие между собой связь, но имеющие свой устав и своего генерала. Чем занималась гильдия наемников – тайна, но, говорят, за хорошие деньги они брались практически за любую работу, что, конечно же, не устраивало ни одного монарха. В итоге гильдия наемников ушла в такое подполье, что стала самой тайной организацией, а в народе стало привычкой все необъяснимые факты и деяния приписывать именно им.

Тем временем Истре обошел всех убитых и, убедившись, что никто из них не подавал признаков жизни, поймал трех лошадей с бирюзовыми цветами в сбруе, рассудив, что это лошади людей, охранявших графиню, и обратился к ней.

– Я думаю, графиня, надо взять с собой запасных лошадей, путь не близок. Только вот Ваше платье...

Действительно, платье графини хоть и относилось по тем временам к дорожному варианту, но вряд ли позволило бы ее посадке в седло. Это ничуть не смутило графиню, она подбрала первый попавшийся меч, и, нисколько не раздумывая, разрежала платье с двух сторон под изумленным взглядом молодого человека. Она грациозно запрыгнула в седло, обнажив стройные ноги, облаченные в черное шерстяное трико, подобное тому, в котором выступали бродячие акробаты.

– Милый лейтенант, если Вы уже насмотрелись на мои ноги, – произнесла она, – то будьте любезны, подберите себе меч взамен сломанного, зарядите арбалеты, и в путь.

– Мадам, хочу Вам напомнить, что арбалеты запрещены к использованию гражданскими лицами его Императорским Величием, – чуть смущенно ответил он, опуская глаза от ног графини.

– Не переживайте, лейтенант, у меня есть на то разрешение, а Вам оно как человеку военному без надобности.

Истре пожал плечами, зарядил арбалеты болтами, и привесил их по одному с каждой стороны лошадей. Затем подошел к поверженному «черному всаднику», или лучше теперь будет называть его «наемником», и поднял его меч.

Так и есть – это «пламенеющее лезвие» в руках опытного война, а к таким Истре относил и себя, было довольно грозным оружием. Было видно, что это настоящий фламберг, у которого был изогнут сам клинок, а не дешевая подделка, переделанная из прямого меча путем особой заточки.

Вообще, фламберги редко попадались в Андрии, особенно полуторные. Это было любимым оружием наемников, но даже для них довольно дорогое. Из шести поверженных только у одного был фламберг и именно его в качестве трофея решил забрать Истре.

– Хороший выбор, лейтенант. Я слышала, что такие мечи, если они к тому же сделаны гномами, пробивают практически любой доспех.

– Вы, на удивление, хорошо разбираетесь в оружии, – заметил Истре. – Только гномов не бывает, миледи.

– Я много в чем разбираюсь, сударь. Покажи-ка мне его.

Истре передал ей меч, а сам стал прилаживать свой щит на руке.

– Замечательный образец, – вздохнула графиня, – а насчет гномов я бы не была на Вашем месте так уверена, лейтенант. Кстати, Вы заметили какой у меча отблеск и как ювелирно сделаны рукоять и гарда? Я не уверена, что наши мастера способны на такую работу.

– Тогда, мадам, ему просто нет цены, – проговорил Истре, забирая меч и садясь в седло.

– Вы правы, лейтенант. Ну что, двинули?

– Да, графиня.

Совсем через небольшое количество времени они повстречали шедший уже навстречу им патруль. Отдав приказание сержанту раздобыть в ближайших деревнях телеги и перевезти в Карн как наемников, так и вещи графини, они продолжили путь.

Надо сказать, что от заставы Маушина, пообедав в которой графиня категорически отказалась, до Карна было чуть больше ста тридцати миль. За это время графиня отказалась заезжать в гарнизоны, лежащие на пути, чтобы передохнуть. Несколько остановок при встрече с патрулями, где Истре вкратце обрисовывал ситуацию, два коротких привала, которые, похоже, больше были необходимы Истре, чем ей, и они ближе к вечеру добрались до ворот Карна. При этом надо отдать должное: выглядела графиня гораздо «свежее», чем Истре, хотя тот всеми силами старался не показывать усталость.

Расследование

Карн представлял собой небольшой провинциальный городок на берегу реки Тобо, впадающей миль через сто на восток в полноводную и капризную реку Ирса. Та, в свою очередь, брала свое начало с южных гор и пересекала землю империи на север, являясь своеобразной границей Андрии.

Разливаясь по весне на много миль, Ирса превратила весь восточный берег в непроходимые болота и многочисленные озера, потому поселений по правому берегу не было практически никаких. Только ранее упомянутый барон Рени зашел далеко на восток, нашел за болотами разрозненные племена охотников в непролазных таежных просторах, но война с Хивскими степняками приостановила экспансивные намерения империи. И восточные просторы так и остались неизвестными до сих пор. Надо отметить, что река и по левому берегу наносила немало урона по весне тем поселкам, которые периодически возрождались, так как река была полна рыбы. Поля давали корм скоту, а леса были полны дичи, ягод, меда. Поэтому скотоводство, рыболовство и бортничество было распространено на севере от Карна, а у самого города на более спокойной реке Тобо занимались земледелием.

Что же до самого Карна, то, как уже упоминалось, это был маленький провинциальный городок. Ратуша, храм, дом капитана-коменданта, примыкающие к дому капитана казармы и ярмарочная площадь, которая, собственно, и располагалась перед перечисленными зданиями. Это были все сколько-нибудь значимые дома. Гостиницы-таверны, различные мастерские, крупные и мелкие по рамкам Карна магазины, лавки, лоточники. Вот и все. Практически весь город либо торговал, либо занимался ремесленными работами.

«Заморские купцы» останавливались в городе ненадолго, двигаясь в Аурелию, где и цены были получше, и народ побогаче, а вот возвращаясь, скупали товар тут охотнее по тем же причинам – и цены ниже и люд поговорчивей. Сыр, мед, кожа, воск, пушнина, зерно – все скупалось именно в Карне. А особенно людно было на осенних ярмарках, тут уж приезжие актеры и борцы, и маги с гадалками. Сейчас же рынок хоть не пустовал, но особым разнообразием не блистал...

Именно к дому капитана-коменданта и направилась наша парочка, беспрепятственно пройдя в город, где им не пришлось даже платить въездную пошлину, поскольку Истре был приписан к гарнизону Карна, а графиня сопровождала его по государственной службе. По крайней мере, так отрекомендовал лейтенант стражникам графиню.

Спешившись и так же беспрепятственно пройдя в дом, они узнали у слуги, что господин капитан в библиотеке, куда после приглашения и прошли.

Капитан-комендант Карна, самый важный местный сановник, наравне с мэром и первосвященником, был человеком невысокого роста, одетый в зеленый военного покроя камзол, такие же штаны и мягкие сапоги. Должность капитана он получил в наследство от своего отца, которому благоволил сам герцог Валенштайн, который после смерти старого капитана и подписал патент на чин у императора. Звезд с неба капитан не хватал, но службу нес исправно, потому и пробыл капитаном-комендантом уже пятнадцать с лишним лет.

Выслушав краткий доклад Истре, он задумался, потом позвонил слуге, приказал подать закуски в библиотеку и, предложив присесть гостям к накрытому столу, продолжил разговор. Пристально рассматривая графиню он, наверняка, хотел ее смутить, но не тут-то было, быстро закусив и взяв бокал красного вина, графиня откинулась на спинку стула и, выдержав очередной взгляд капитана, произнесла:

– Я хотела бы, господин капитан, переговорить с Вами с глазу на глаз и пояснить те детали, которые неизвестны господину лейтенанту.

– Хм, – недоверчиво произнес капитан-комендант, – я думаю, Вам много чего надо будет мне рассказать. И, действительно, с глазу на глаз. Легкость, с какой вокруг Вас умирают люди, наводит на меня некоторые мысли, и я не готов их сейчас развивать.

– Кстати, лейтенант, а Вам не приходило в голову, что эта прекрасная дама преступница, а воины, которых Вы так «играючи» уничтожили, были посланы герцогом эту преступницу поймать? – обратился он к Истре. – Почему говорю «посланы герцогом», не буду скрывать, я не владею никакой информацией о проведении тут какой-либо операции. Но это не значит, что ее не могло быть.

– Капитан, едва увидев меня, они тут же разрядили в меня арбалеты, несмотря на то, что я был один, – невозмутимо отпарировал Истре.

– А Вы как-то дали понять, кто Вы и какими полномочиями владеете?

– Нет, увидев перевернутую карету, убитых людей возле нее, и кричащую женщину, я сделал вывод, что это бандиты и погнал лошадь в их сторону.

– Ну-да, ну-да. Один против четырех рыцарей – это чудо, что Вы живы, все-таки с военной подготовкой у вас там все в порядке в корпусе, а вот с головами...

Капитан немного помолчал, затем позвонил в звонок, и пришедшему слуге повелел проводить лейтенанта в комнату для гостей, где он смог бы умыться и переодеться.

– Отдохните, молодой человек, у Вас очень утомленный вид, приведите себя в порядок, а победив, мы вернемся к этой теме, а там, глядишь, Ваши люди привезут наших, так сказать, бедолаг.

– Да, Лерр, – обратился он к слуге, – прикажи поставить стражу у дверей.

Слуга, которого капитан называл Лерр, был высокий поджарый мужчина, некогда брюнет, а теперь совсем седой человек с пронзительными глазами серого цвета, с носом горбинкой, одетый в мягкий камзол и штаны такого же, как и у капитана, покроя и цвета, молча поклонился Истре и жестом предложил пройти в коридор. Держался он величаво, как положено какому-нибудь мажордому знатного семейства. Хотя в Карне это и было самое знатное семейство. Лет этому достопочтенному слуге было около шестидесяти-семидесяти, и он лет на двадцать был старше своего хозяина. Бросив пару фраз молодому человеку, стоявшему у окна в коридоре, и проводив взглядом убегающую фигуру, он перевел взгляд на Истре.

– У Вашей милости есть какие-либо пожелания?

– Воды. Как можно больше воды и переодеться во что-нибудь. Во что-нибудь сухое и чистое.

– Я бы посоветовал Вашей милости солдатскую баню, но, к сожалению, Вы не успеете к обеду, поэтому, если не против, я прикажу подать теплой воды к Вам в комнату.

– Очень хорошо, господин Лерр, – поклонился лейтенант.

За время их диалога к дверям подошли два стражника, и встали по обе стороны двери. Тихо поговорив с молодым человеком, который вернулся после своего поручения, Лерр поклонился Истре и проговорил:

– Лиарс проводит Вас, господин лейтенант, и проследит, чтобы все Ваши пожелания были выполнены.

Дом господина капитана-коменданта Карна был построен с некоторой претензией на роскошный. На первом этаже располагался, так сказать, хозяйственный блок, как кухня, кладовая, прачечная, жилье для прислуги. Поэтому от парадных дверей шла широкая лестница на второй этаж, где, собственно, и располагались все важнейшие помещения. Во-первых, это, конечно же, большой зал, да – капитан два раза в год давал бал. Конечно слово «бал» было несколько высокопарно для того мероприятия, которое тут проходило, но тем не менее по местным меркам это было довольно блистательное мероприятие. В остальное время это было и место приема по официальным делам, и место, где дочери капитана принимали своих друзей, так как у капитана было две дочери на выданье.

Далее, конечно же, столовая, библиотека, а в другом крыле от большой залы, спальня капитана, далее одна общая спальня для дочерей и маленькая комнатка – личная комната мадам. Третий этаж был маленький – четыре небольшие комнаты, где останавливались редкие гости капитана. Именно на третий этаж и проводил Лиарс Истре, где помог разоблачиться, умыться, переодеться и, убедившись, что лейтенанту больше ничего не надо, откланялся. Лейтенант же, приведя себя в порядок и одевшись, завалился на кровать, чтобы перевести дух после столь утомительной поездки.

Одной из особенностей лейтенанта было его правило и привычка анализировать все происшествия за день, чем он, собственно говоря, и занялся. Вспомнив всю картину от того момента, когда фыркание лошади заставило его отвлечься от дум, он принял решение, что все действия его были если не абсолютно правильными, то, скажем прямо, не лишены смысла. Ведь, пустив лошадь в галоп, лейтенант еще даже не вынул меч из ножен, как тут же получил два болта в щит, который он, надо отметить, довольно ловко пустил в дело.

Ах, какой это был удачный ход, тот бросок щита, который в момент превратился в смертельный диск, точно попавший в шлем всадника. Лейтенант самодовольно усмехнулся, предвкушая аплодисменты своих друзей, когда он расскажет им эту историю. Несколько смутил его пущенный в ход шип, ну да особо распространяться тут он и не собирался, хотя в борьбе за жизнь, он уверен, никто не отказался бы от возможности использовать такой шанс.

Насчет третьего противника, тут лейтенант несколько не сомневался в своей победе, если бы графиня не решила все по-своему. Надо же, как только ей удалось освободиться? Мысли Истре плавно перетекли на графиню, он вспомнил ее суровый и недоступный вид, когда она перезаряжала арбалет. Не каждая женщина способна это сделать, даже можно было бы сказать: мало какая женщина могла бы вообще справиться с этой задачей. А бешеная скачка до Карна, которая вымотала Истре, считавшего себя неплохим наездником. «Какая прекрасная спутница жизни», – промелькнула в голове Истре, жаль, она замужем. А какие красивые у нее ноги. Эта была последняя мысль, возникшая в его голове, после чего он погрузился в глубокий сон.

Проснулся Истре, когда солнце уже начало садиться, от настойчивого стука в дверь и в первую секунду не мог сообразить, где он. Ему снился дивный лес, по которому он неся на белоснежном коне, пытаясь догнать прекрасную женщину. Она звала его по имени, но он никак не мог ее настигнуть. И вот, когда он, в конце концов, почти приблизился к ней и протянул руку, чтобы прикоснуться, стук в двери вырвал его из сна.

– Кто там?

– Это я, господин лейтенант, Лиарс. Вас ожидают к обеду.

Лейтенант соскочил с кровати, расправил на себе камзол, пригладил волосы и с сомнением посмотрел на сложенное в углу оружие. В принципе, брать оружие к обеду, да еще и находясь в гостях, не только не принято, но и запрещено всеми канонами этикета. С другой стороны, лейтенант был на службе, и в данный момент был на официальном приеме у вышестоящего командира. Мало того, проводилось расследование, поэтому на обычный обед это тоже мало походило. Подумав об этом буквально секунду, Истре поднял Кацбальгер, который вполне мог сойти за «церемониальный клинок», подтверждающий его принадлежность к военной аристократии, и на ходу застегивая его на пояс, открыл дверь.

– Ваша милость, разрешите проводить Вас в столовую, – спросил Лиарс.

– Валяй, дружище.

– А Вы не хотите оставить меч в комнате? – опасливо покосился на оружие Лиарс.

– Я, к сожалению, на службе, – сурово произнес Истре и похлопал молодого человека, который, надо отметить, был гораздо старше самого лейтенанта, по плечу.

Войдя в столовую, пройдя мимо двух стражников, один из которых покосился на меч Истре и хотел было что-то сказать, но, по-видимому, передумал, лейтенант увидел все семейство капитана, которому тотчас и был представлен.

Во-первых, супруга господина капитана, дородная женщина с высокомерным лицом, которая осведомилась о имени лейтенанта и, выяснив, что он младший сын барона Истре, быстро потеряла к нему интерес. Затем две сестры, дочери капитана, имена которых тут же вылетели из головы лейтенанта и маленький сын, Алейс, мальчишка лет десяти-двенадцати. Далее были представлены два офицера, приглашенные к обеду: лейтенант городской стражи господин Фуре, лейтенант военного гарнизона господин Алисандре. Кстати, оба лейтенанта были без оружия. Ну и, наконец, дама, которая не была представлена, – это была графиня. Легкая бледность покрывала ее лицо, по всей вероятности, она в отличие от Истре не успела отдохнуть. Одета она была в красивое голубое платье, происхождение которого осталось для лейтенанта загадкой, так как он помнил, что в поход они не брали никакого багажа. Тем не менее, она выглядела блистательно, о чем ей немедленно и сообщил лейтенант, за что получил удар веером по плечу, кокетливую улыбку и одно единственное слово – льстец.

– Господину лейтенанту будет гораздо удобнее, если он уберет оружие на подставку, – предложил Лерр перед тем, как присутствующие начали рассаживаться.

Истре посмотрел на капитана, который подтвердил предложение кивком и, отстегнув пояс, поставил меч в нишу. На подставке стояли еще два меча, по-видимому, принадлежавшие лейтенантам, так что приличия были соблюдены, и успокоенный лейтенант устроился на предложенном ему месте.

Хозяева дома по этикету того времени расположились на наименее удобных местах в торцах длинного прямоугольного стола напротив друг друга, усадив по правую руку от себя почетных гостей. В данной ситуации по правую руку от капитана расположилась графиня, далее лейтенант Фуре, младшая дочь капитана, и по левую руку от хозяйки – сынишка Айлес, который надо отметить провертелся весь вечер, за что был удостоен тихого выговора мадам капитанши. По правую руку от хозяйки усадили лейтенанта Алисандре, далее старшая дочь капитана, а затем Истре.

Несмотря на то, что лейтенант оказался на наименее почетном месте, он был доволен: во-первых, дочь капитана была всецело поглощена господином Алисандре и не обращала никакого внимания на Истре, во-вторых, он сидел почти напротив графини, которая наоборот постоянно смотрела на него и дарила обворожительные улыбки.

Обед, начавшийся несколько скованно, оживился после первой перемены блюд, когда капитан рассказал несколько забавных случаев из жизни города, а лейтенант Фуре добавил к рассказу несколько не менее остроумных дополнений.

Вообще, лейтенант Фуре был несколько моложе своего, как оказалось из разговора, друга – лейтенанта Алисандре. Лет ему было так под тридцать – ужасно старый по меркам Истре, но, по-видимому, все остальные присутствующие держались совершенно иного мнения.

По крайней мере, мадам Лемарн называла лейтенантов неизменно «молодой человек», а капитан и вовсе в разговоре оговорился и назвал Фуре «мой мальчик».

Надо отдать должное, молодые дамы смотрели в рот своим кавалерам, и Истре готов был поспорить, что обе мечтали выйти замуж за досточтимых лейтенантов. Сам Истре держался за столом скромно, но, как он сам надеялся, достойно.

Лейтенант Фуре был занят своей соседкой, а лейтенант Алисандре успевал ухаживать как за дочерью капитана, так и за мадам капитаншей, не забывая уделять внимание и графине. Она, надо отметить, вела себя совершенно непринужденно, довольно приветливо отвечая на вопросы молодых леди о столичной моде. Поразила капитана своими обширными знаниями лошадей, лейтенантов – осведомленностью новейшими течениями в вооружении, мадам Лемарн – рассказом о свадебных церемониях столицы.

По окончании обеда мужчины прошли в библиотеку, а мадам Лемарн увела дам в кабинет, чтобы угостить «удивительным ликером, вкус которого мужчины все равно не поймут, а посему предлагать даже не стоит».

В библиотеке мужчин ждал накрытый столик с чуть подогретым коньяком. Опустившись в кресло, Истре был вынужден еще раз рассказать свою историю и подвергнуться разнообразным вопросам. Особенно слушателей заинтересовало «пламенеющее лезвие», за которым послали слугу, и меч долго переходил из рук в руки.

– Изумительная работа, – подтвердил капитан и кивнул слуге, чтобы тот унес его. – Берегите его, лейтенант. Это очень ценная вещь, но не советую использовать его в повседневной жизни. Это меч для войны, Вы знаете ведь, его, как и арбалеты, хотели запретить. Но учитывая, что настоящих «пламенеющих лезвий» днем с огнем не сыскать, ограничились тем, что довели до всеобщего сведения о недовольстве императора случаями его применения.

– Так я могу его оставить себе?

– Несомненно, лейтенант. Это Ваш боевой трофей, и Вы, надо отдать должное, очень сильно рисковали, пытаясь его раздобыть. Что же до остального, то согласно обычаю, оно пополнит мою оружейную, вернее оружейную моего гарнизона, либо гарнизона герцога, так как тут довольно щекотливая ситуация. Что Вы, кстати, о ней думаете, господин Алисандре, ведь это Ваша область?

– Думаю, капитан, это наемники. Конечно, все уточнится, как только придут Ваши люди, лейтенант, я уже послал к ним подмогу на всякий случай. Но, думаю, что больше некому, какого лиха им было нужно?

– Я думаю, мой друг, нам это не узнать, – вмешался в разговор Фуре, – больше может знать только мадам графиня, я думаю, она еще та штучка, если верить словам Истре, а я склонен ему доверять. Кстати, как ее зовут, капитан?

– Молодые люди, у нее достаточно серьезные бумаги на руках, чтобы мы с вами не лезли в это дело. Я, конечно, разослал гонцов, что бы прояснить ситуацию о ее появлении на тракте, и я хотел бы, чтобы вы задавали ей поменьше вопросов. Нет, не так. Чтобы вы не задавали ей вообще вопросов.

– Даже так? – присвистнул Фуре.

– Именно, – строго покачал указательным пальцем капитан. – К счастью герцог в замке, и ее по возможности надо быстрее отправить к нему. А уж у него достаточно средств, чтобы расколоть эту даму, если это ему покажется нужным. Господин Фуре, я попрошу на эти дни усилить стражу, завтра по прибытии «груза» полный досмотр и письменный отчет. Господин Алисандре, гарнизон должен быть готов к любым неожиданностям на эти дни. Усиьте гарнизоны от Карна до Аурелии.

– А Вам, господин лейтенант, – капитан обратился к Истре, – отсыпайтесь. На время пребывания в городе госпожи графини Вы будете ее личным телохранителем и сопровождающим, а господин Фуре обеспечит, чтобы Вам не пришлось опять рисковать своей головой.

Раздав поручения, капитан дал понять, что вечер закончен, да на часах было уже около полуночи, поэтому молодые люди откланялись и вышли из кабинета. Лиарс проводил Истре до комнаты, и лейтенант остался вновь наедине со своими мыслями. А мысли лейтенанта крутились вокруг очаровательной графини, он был покорен ее красотой и грацией. Ему казалось, что она совершенство, затмевающее всех этих чопорных и высокомерных дам, которых ему приходилось встречать в замке. И всех этих глупышек, за которыми ему приходилось ухаживать в Аурелии.

Не будем скрывать, наш лейтенант, как и любой молодой человек, влюблялся. Как почти все кадеты, он был тайно влюблен в дочь герцога, которая проводила лето в замке отца, но это была недостижимая любовь. Высокомерная и холодная леди была всегда в окружении свиты, а если и бросала взгляд на кадетов, то скорее это был взгляд хозяйки на слугу. Конечно, были

флирты и влюбленности более реальные. Ведь кадетам было разрешено посещение Аурелии, где в выходной день столько молодых девиц прогуливалось на набережной вдоль рыбного рынка по утрам, на дворцовой площади по вечерам или в общественном саду днем. Сколько разговоров бывало в казарме о покоренных девичьих сердцах, хвастливо преувеличенных рассказах об одержанных победах. Но, надо отдать должное, Истре никогда не участвовал в этих похвальбах.

Если уж быть откровенными, особо хвастаться было и нечем. Несмотря на отчаянную храбрость, которую демонстрировал Истре в поединках и испытаниях, у него порой не хватало мужества познакомиться с девушкой. А если это каким-то образом происходило, то он был не самым лучшим собеседником, язык его каменел во рту, мешая выскользнуть изящным фразам, которым их учил господин Моле. На чем, собственно, знакомство и заканчивалось. В тех же случаях, когда ему удавалось переступить свою неуверенность, и, скажем честно, робость, как это было на балу в ратуше или на карнавале в последний день ярмарки, то и тут далеко его отношения не заходили, и он порывал с девицами уже через короткое время, к их великому сожалению. Потому как, надо отдать должное, в глазах женщин Истре слыл красавцем, но, наверное, к счастью, эти разговоры не доходили до ушей лейтенанта, как и не понимал он знаков внимания, которыми осыпала его дочь господина Ломорка – лейтенанта гарнизона. Бедная девочка выглядела очень бледно по отношению к дочери герцога, в свите которой и состояла, и Истре не давал ей ни единого шанса, сам того не подозревая.

Разгоряченный прошедшими событиями и выпитым вином, мозг лейтенанта услужливо рисовал в его воображении красочные картинки, являвшиеся продолжением дневного сна, только тут присутствовала не таинственная незнакомка, а графиня в своем прекрасном голубом платье. В своей дерзости воображение Истре пошло еще дальше, представив перед глазами лейтенанта тайные встречи, нечаянные прикосновения и даже объятия и нежные поцелуи. Измученный такими откровенными думами, и изворочившись на кровати, Истре решил остудить голову и вышел на балкон, открывавший вид на площадь. Рядом с его балконом находился еще один, со входом в соседнюю комнату, и на нем, облокотившись на перила, стояла причина его дум.

– О чем задумалась прекрасная дама? – осмелел лейтенант, которому кровь ударила в голову.

Графиня распрямила стан и, повернувшись к лейтенанту, произнесла:

– Это Вы, милый лейтенант? Весенняя ночь кружит Вам голову мыслями о любви?

Сраженный ее словами, Истре смешался и не нашелся что ответить. А графиня, улыбнувшись в темноту, произнесла:

– Я угадала. И кто же эта счастливица? Хотя о чем я, благородный рыцарь не вымолвит и слова, чтобы не скомпрометировать свою возлюбленную.

Они немного постояли молча, за это время Истре безуспешно пытался придумать повод продолжить разговор, но ничего не приходило на ум. Он уже был уверен, что графиня развернется и пойдет в комнату, когда она вдруг произнесла:

– Лейтенант, раз уж Вы мой телохранитель, не будете ли любезны посторожить мой сон. После недавних событий мне все мерещится, что кто-то пытается забраться на балкон, а под балконом постоянно какие-то шорохи. Скорее всего, нервы, но я привыкла доверять своим чувствам

– Если хотите, я спущусь вниз и проверю.

– Нет, перебирайтесь ко мне, только возьмите свой меч.

Истре зашел в комнату, приладил к руке щит, закрепил под камзол «последний шанс», повесил на пояс оба меча, вернулся на балкон и по-юношески беззаботно и легко перепрыгнул к графине.

– Проходите в комнату, – предложила графиня, – ночью еще холодно – заболее. Вы уж извините, мой милый лейтенант, за такую необычную просьбу, я понимаю, что несколько компрометирую и себя и Вас, но, честное слово, засыпаю на ходу. А Вы присаживайтесь за столик, – она кивнула на маленький столик у двери балкона, на котором стоял графин с вином и ваза с фруктами.

– Мадам, я в полном Вашем распоряжении, можете на меня положиться.

– Если что, лейтенант, шумите, за дверью стража, да и я кое-чего стою, вообще-то, я сплю чутко, но сами понимаете, денек был еще тот.

В комнате повисла тишина, по-видимому, графиня уснула. Истре осмотрелся: комната была гораздо больше и уютнее чем у него. В комнате горел камин, и его огоньки весело перемигивались, играя в какую-то загадочную игру. Чтобы не уснуть от тепла камина и от магического блеска огня, лейтенант сел лицом к застекленной настоящим стеклом двери балкона, или, лучше сказать, витража. Роскошь, которую могли позволить себе только вельможи да богатые купцы. Говорят, что в столице почти каждое окно было застеклено, но это наверняка преувеличение, хотя во дворце, в котором жил герцог, действительно на всех окнах были либо стекла, либо витражи. Огоньки поблескивали на витраже, фантазмагоричные тени бегали по потолку и стенам, напоминая Истре театр теней, в котором он побывал на последней ярмарке. Только сейчас представление было дано для него одного, так как вторая зрительница мирно посапывала в кровати у противоположной стены от камина.

Лейтенанту не раз доводилось стоять в ночном карауле и не в таких уютных условиях, поэтому он ничуть не сомневался в своих возможностях просидеть всю ночь. В глубине души он даже надеялся на то, что что-то произойдет, и он отважно спасет графиню еще раз. Не раз Истре слышал чуть приглушенные голоса со стороны площади, какие-то шорохи на крыше, заставлявшие его бесшумно вставать и сжимать рукоятки мечей. К счастью для него, да наверняка и самой графини, ночь прошла без происшествий, в два часа и в четыре, если верить башенным часам на ратуше, прошла смена караула за дверями. Под самое утро графиня заворочалась и, открыв глаза, произнесла:

– Милый лейтенант, Вы так хорошо меня охраняли, что я, на удивление, дивно выпалась, теперь тем же способом перебирайтесь к себе в комнату и тоже немного отдохните. Я хочу сегодня пройтись по городу и, надеюсь, Вы составите мне компанию.

Лейтенант подошел к кровати, поцеловал протянутую руку и, не спеша отпустить ее, опустился на колено.

– Будут ли еще какие приказанья?

– Идите, лейтенант, – чуть пожала ему руку графиня, – скоро рассвет, а я очень не хочу, чтобы про Вас говорили, что Вы скачете по чужим балконам. Это не та слава, которая Вам нужна. Не беспокойтесь за меня, я отлично могу постоять за себя.

Истре молча поклонился и через минуту уже лежал в своей кровати в самом лучшем расположении духа. Женщина, в которую он, кажется, был влюблен, нуждается в его помощи, а он как истинный рыцарь готов бескорыстно ей ее оказать. Ну, может, не совсем бескорыстно, лейтенант замечтался, как сорвет с ее губ поцелуй, и под эти приятные грезы забылся в утреннем сне.

Проснувшись незадолго до полудня, Истре обнаружил накрытый стол с завтраком, а в углу комнаты тазик с кувшином для умывания. Потянувшись, лейтенант соскочил с кровати, начал делать разминку, с которой всегда начиналось утро в замке. В дверь постучались, и на разрешение войти заглянул Лиарс.

– Разрешите Вам помочь умыться, Ваша милость?

– Валей, – сняв рубашку, разрешил Истре, – ты что, за стеной ночевал?

– Не-а, я час назад пришел, господин капитан велел Вас не будить.

– А где он сам?

– Так он еще засветло пошел в казармы, мадам и мадемуазель еще спят, господин Фуре присылал справиться, как у Вас дела и велел передать, что Ваши люди привезли убитых и прикатали карету мадам графини. Ее сейчас чинят – карету, да она вроде и не сильно пострадала-то, а еще принесли сундук мадам графини, видел, как его затаскивали в ее комнату.

– А она сама встала?

– Да, видать тоже птичка ранняя, уже справлялась о Вас, просила проводить к ней, как позавтракаете.

– Давай полотенце и иди, предупреди графиню, что я сейчас буду, – проговорил Истре, вытирая лицо.

– А завтрак, Ваша милость?

– Позже, я не ем по утрам.

– А надо бы, – раздался голос графини из открытых дверей, – устала ждать, когда Вы проснетесь, лейтенант, и пришла Вас будить.

Ларс подал камзол Истре, неодобрительно посмотрел на графиню, подхватил тазик с кувшином и хотел выскочить из дверей, но был пойман ею за ухо.

– Еще раз дерзнешь так на меня посмотреть или еще как выразишь свое мнение, оторву уши и заставлю повариху тебе их приготовить.

Лиарс «вылетел» из комнаты и загремел где-то на лестнице. Оба захохотали над комичностью ситуации. Действительно, этикет не позволяет дамам заходить в спальни мужчин, чтобы их разбудить, вернее будет сказать, они совсем к ним не заходят, если только не живут в браке. Хотя и мужчинам тот же этикет не рекомендует проводить ночь в комнате дамы. А как бывает на самом деле вы, возможно, знаете либо догадываетесь.

– Милый лейтенант, мне необходимо как можно скорее уехать из этого города, меня ждут в столице по важному государственному делу. Поэтому хотелось бы знать, в качестве кого я тут нахожусь. Я предъявила бумаги капитану и решила, что все формальности улажены. Он мило пригласил вчера отобедать, а сегодня его нет на месте, у моих дверей стража, из дома меня не выпускают, что за бред тут происходит?

– Мадам, Вашу карету, как мне только что сообщили, прикатали, и она сейчас в починке, но, как я понял из разговора с капитаном вчера, он хочет препроводить Вас в замок Валенштайн, чтобы Вы встретились с герцогом.

– Понятно, – графиня помолчала и добавила, – хорошо, милый лейтенант, тогда найдите капитана и передайте, что я хотела бы как можно скорее отправиться в путь. Мое дело, к сожалению, не может ждать.

– Хорошо, мадам, я так и сделаю.

– И еще, лейтенант, не называйте меня мадам, мне это не нравится.

– Да, графиня, – кивнул Истре и с этими словами он вышел из комнаты.

Он спустился вниз. Беспрепятственно пройдя через указанные слугой двери, Истре попал в казармы, где первый же попавшийся солдат указал ему направление в сторону конюшен. Подойдя ближе, лейтенант услышал голос капитана распинающего конюха. Дождавшись, когда негодование уляжется, Истре открыл дверь и столкнулся с ним, как говорится, нос к носу.

– Добрый день, господин капитан.

– И Вам, лейтенант, того же. Как прошел ночной караул?

Истре слегка покраснел, но, мгновенно нашедшись, бодро отрапортовал:

– Никаких происшествий, господин капитан.

– Что-нибудь заметили необычное лейтенант?

– В основном нет, правда иногда казалось, что кто-то разговаривает внизу, и какие-то звуки с крыши, но не стал проверять, возможно, показалось.

– Молодец, лейтенант, только к чему было гарцевать по балконам.

– Не хотел компрометировать графиню.

– Глупо, я ведь ясно дал вчера понять, что теперь Вы ее личный телохранитель. Кстати, она Вас сама выбрала, уж не знаю по какой причине. А что до происшествий, их и не должно было быть. Надеюсь, Вы понимаете, что в дом капитана не так-то просто проникнуть извне, а уж тем более, когда у него такой ценный гость. Которого Вы, кстати, оставили без персональной охраны. Возвращайтесь и продолжайте ее охранять.

– Слушаюсь, господин капитан, – произнес Истре, которого несколько покоробил тон которым ему был отдан приказ. – Я тотчас же возвращаюсь, только госпожа графиня настаивает на отъезде в Аурелию, чтобы немедленно встретиться с герцогом.

Произнесенное лейтенантом не совсем соответствовало действительности, но Истре посчитал, что такой поворот заставит капитана принять какое-то решение и внести ясность в дальнейшую судьбу графини.

– Настаивает? – капитан немного промолчал, будто обдумывая свои дальнейшие слова, потом потрепал лейтенанта по плечу. – Передайте графине, что к вечеру ее карета будет готова, и завтра по утру она может двигаться дальше. Охрану я готов обеспечить до самого замка. Думаю, лейтенант, Вы тоже поедете. Уверен, герцог захочет с Вами переговорить. За старшего на заставе прикажу оставить вашего сержанта. Довольно смысленный малый. Ну а через недельку, я думаю, Вы сами вернетесь и продолжите службу.

– Слушаюсь, господин капитан.

– Да, лейтенант, отсоветуйте графине выходить в город, дело тут очень серьезное, это были действительно наемники, а если я ничего не путаю, они не бросают дела незаконченными. В доме я гарантирую ее безопасность, а вот город, тут за всем не уследишь.

– Хорошо, господин капитан.

– До вечера я, наверное, буду занят, так что встретимся за обедом, там и обсудим все детали. Действуйте, лейтенант.

Капитан еще раз хлопнул Истре по плечу, и тот, отдав честь как положено в имперской армии, приложив правую руку к левому плечу и наклонив голову, развернулся и отправился обратно.

Он нашел графиню в своей комнате, у дверей которой стоял неизменный теперь уже караул.

– Ну что скажете, мой милый лейтенант?

Вкратце поведав свой разговор с капитаном, Истре, по приглашению графини, присел за столик у камина, где стоял графин с красным вином и чаша с фруктами и печеньем.

– Завтракайте, лейтенант. Я не дала Вам утром перекусить, – произнесла графиня и задумалась. – Ну что ж, – продолжила она минут через пять, – наверное, надо прояснить ситуацию и ввести Вас в курс дела. По крайней мере, в том объеме, который Вам не повредит и который позволит Вам относиться ко мне более лояльно.

– Мадам, я уже говорил Вам, что я в полном Вашем распоряжении. Чтобы доказать, это я хочу признаться, что господин капитан в курсе того, что я провел ночь в Вашей комнате, охраняя Ваш покой. И эту информацию ему передал не я, – проговорил лейтенант вполголоса.

Графиня внимательно посмотрела на лейтенанта, чуть нахмутив брови, но, быстро прервав паузу, произнесла:

– Пойдемте в библиотеку, милый лейтенант. Вчера, пока мы беседовали с капитаном, я заметила чудесный фолиант. А раз уж мне не рекомендуют покидать стены этого дома, то я, наверное, займусь Вашим образованием и расскажу, как живут в столице.

Графиня подошла к кровати и дернула за шнур, который, по-видимому, был соединен с комнатой прислуги, потому как через минуту в дверях появилась служанка и присела в реверансе.

– Милочка, проводи нас с лейтенантом в библиотеку и принесите туда фрукты и вино.

Через несколько минут, обосновавшись в библиотеке и сняв с полки увесистый фолиант, назывался который «Правила этикета королевских дворов мира и церемониальные уложения для знатных домов, а также обычаи и правила приема разных народов в описании господина Моле»:

– Вот та книга, о которой я говорила. Действительно, довольно редкая вещица, явно завезенная сюда купцами из столицы. Надо отметить, что библиотека подобрана со вкусом, и мадам капитанша, а тут явно видна женская рука, вложила сюда немало сил и средств.

Откройте ее, милый лейтенант.

– Моле? Странно у нас так зовут учителя словесности и риторики. Неужто он еще и книги пишет?

– Нет, лейтенант, это его сын, я имею в виду, что Вас обучает его сын, в свое время его отъезд наделал много шума в столице. А теперь я хотела бы с Вами откровенно поговорить, – продолжила она, после того, как лейтенант открыл книгу. – Я так понимаю, Вы намекали мне, что моя спальня, возможно, прослушивается людьми капитана. Очень может быть, что так оно и есть, как любая комната, оборудованная камином и дымоходом, хотя, если честно, сомневаюсь. Хотелось бы услышать, на каких гипотезах основано это предположение.

– Собственно только на тех, мадам, что капитан первый заговорил о моем присутствии ночью в Вашей комнате.

– Чушь, лейтенант, скорее всего Вас видели либо засада у меня под окном, либо стрелки на крыше. Да и мы, собственно, и не скрывались. Что же до Вас, это я попросила капитана приставить ко мне Вас, милый лейтенант, моим телохранителем до самой Аурелии. Надо отдать должное, капитан долго сопротивлялся, аж пару минут, и предлагал в телохранители других достойных, но абсолютно незнакомых мне людей. Но знаете, меня, лейтенант, не так уж просто уговорить. Мне нужны были Вы.

– Можно узнать почему, мадам?

– Графиня, лейтенант. «Мадам» меня старит. Отвечу: после того, как Вы героически закололи наемника, говорю это без фальши и язвительности. Убить наемника не так уж просто, я могла только предположить, Вы не один из них. Я отлично изучила их кодекс, и скажу: никогда наемник не убьет брата по гильдии. Даже если он из другой фракции и даже если это приведет к провалу его собственного задания. По отношению друг к другу у них есть четкие правила. Прежде всего, они братья. Ну не об этом. Во-вторых, Вы удачливы и смелы, выйти из такой стычки живым и после этого доехать без единой царапины до Карна, Вы просто счастличик, Истре.

– Тогда Вы дважды счастливчик, графиня.

– Что Вы. Не дважды и даже не трижды. Со мной уже давно все ясно. Следующая причина того, что я выбрала Вас, – Вы молоды, лейтенант, и посему прямодушны, лишены фальши, какая прилипнет к Вам через несколько лет. Вы благородны и честолобивы. Ни слова, – произнесла она, увидев, что лейтенант пытается ей возразить. – Не думайте, что я Вас хвалю. Никогда не занимаюсь подобной ерундой. Думаю, достаточно причин, которые я назвала. Если хотите, я продолжу, но не стоит.

– Вы так откровенно обо всем этом говорите графиня, что я делаю вывод, что Вы или не боитесь, что нас подслушивают, либо уверены, что нас не подслушивают?

– Какой смешной оборот речи. И то и другое лейтенант. Я не думаю, что в этом месте, где, по-видимому, капитан проводит деловые, а иногда секретные переговоры есть возможность подслушивать. Это всегда чревато, я просто уверена, что тут можно говорить свободно, тем не менее, мы не будем громко разговаривать, но и шептать тоже не станем. Теперь обо мне. Лейтенант, поклянитесь, что то, что я сейчас Вам скажу останется секретом. Не беспокойтесь, я не уроню Вашу честь. Я это уже показала капитану, и я покажу это герцогу.

– Я клянусь, графиня, слово чести, – лейтенант встал.

– Ну что ж, лейтенант, – графиня расшнуровала шнуровку на груди, и вытащила оттуда крохотный сверток. – Вы знакомы с этой вещью, лейтенант?

Сверток, который подала графиня, был размером с ноготь мизинца ее миниатюрной руки, начав разворачивать ее, он сразу понял, что это такое. Это была «эльфийская бумага». Он только слышал о таких артефактах, и, развернув, убедился в этом окончательно. «Вы никогда не ошибетесь, если вам доведется столкнуться с ней, – объяснял им на занятиях господин Моле, – эту бумагу нельзя отнять или украсть. Оставаясь на длительное время вдали от тела владельца, она просто рассыпается в прах. Подпись на этой бумаге невозможно подделать, там всегда будет стоять имя того человека, который произносил вслух текст написанного».

Развернув бумагу, которая оказалась в размер книжного листа и, несмотря на немислимую тонкость, на вид казалась ничем не отличимой от простого листа бумаги, лейтенант прочел:

«Податель сей бумаги выполняет важную государственную миссию во благо империи и во славу императора.

Первый канцлер Его Императорского Величия

Герцог Мариньик.»

– Да, я знаю, что это такое графиня, хотя, не скрою, держу такую вещь в руках впервые. Сильная бумага, графиня, я не совсем понимаю, почему еще в этом городе есть люди, которые не валяются у Ваших ног.

– Вы хотите сказать, почему я взаперти? Сама хотела бы это узнать, но это потом.

Действительно, чтобы немного разъяснить смысл этой бумаги, хочу напомнить, что герцог Мариньик был первым лордом империи и самым важным сановником в иерархии Андрии. Несмотря на интриги, доносы, а иногда и просто покушения на жизнь, герцог Мариньик уже на протяжении двадцати лет оставался первым канцлером и советником императора. Несмотря на враждебно настроенную к нему военную аристократию, во главе которой стоял герцог Валенштайн, генерал армии и военный советник императора, герцог умело лавировал во всех этих интригах, доставляя немалое удовольствие императору, свысока наблюдавшему на эти политические перипетии.

Поэтому, конечно же, велико было изумление лейтенанта, который далек был от дворцовых интриг, в отношении капитана к графини. Но памятуя, что в данный момент времени капитан был его начальником, а начальник, к сожалению, всегда прав, Истре не стал развивать эту тему, а просто спросил, что же хочет от него графиня, и чем он может быть ей полезен.

– Милый лейтенант, я хочу, что бы Вы были рядом со мной и Ваше везенье помогло моей удаче в моем деле. Самое главное, нам как можно скорее выехать из города, ну об этом я еще потолкую с капитаном... А теперь займемся фолиантом, – произнесла она, забирая из рук бумагу и водворяя ее на место.

– Графиня, если можно, один маленький вопрос, – проговорил Истре и на кивок графини продолжил, – как Вы освободились от держащего Вас рыцаря?

– Я его зацеловала, лейтенант, – засмеялась она. Внимательно посмотрев на Истре, она пожала плечами. – Отвернитесь сударь.

После того как он выполнил ее просьбу и по ее приказу повернулся обратно, он увидел в ее руке маленький тонкий кинжал.

– Я называю его «последний поцелуй», настоящая гномья работа, что бы Вы ни думали по поводу их существования. Пробивает любой доспех, если конечно хватит сил. А теперь будьте любезны еще раз отвернуться...

День пролетел незаметно, после второго завтрака графиня прилегла отдохнуть, а лейтенант остался стоять на балконе, охраняя ее сон и раздумывая, что же принесет ему знакомство

со столь удивительным человеком, в которого он влюбился с первого взгляда и с каждым часом увязал в этой любви все глубже, словно в трясине.

Перед обедом графиня отпустила Истре привести себя в порядок. Вернее, она решила привести в порядок себя и заодно разобрать сундук с вещами, потому лейтенант бесцеремонно был выставлен из комнаты.

Молодой человек улегся на кровать в своей комнате, с удовольствием отметив, что легко может себе позволить такое отступление от устава, за которое ему неминуемо бы влетело, находишься он сейчас в казармах. Время пролетело в думах и мечтах, а значит, мгновенно, и то, что день практически уже почти прошел к концу, лейтенант понял только когда его пригласили к обеду. В столовой на этот раз было немногочисленно, помимо капитана, в ней присутствовал только лейтенант Алисандре.

Капитан предложил присесть лейтенанту, и за столом воцарилась пауза. Потом пошли малозначительные вопросы о том, как лейтенант провел день, на что Истре принялся хвалить богатую коллекцию книг в библиотеке капитана и хотел было развить тему по необходимости завести нечто подобное в гарнизоне, но тут капитан встал, и, обернувшись, Истре увидел входящую графиню. Она была в обворожительном сиреновом платье и с драгоценностями на шее и руках. Даже волосы на голове были уложены невероятным образом.

– Никогда не сидите спиной к двери, Истре, – приветливо кивая, произнесла графиня.

– Вы великолепны, мадам, – рассыпался в любезностях капитан, – надеюсь, все Ваши вещи в целости и сохранности.

– Да, капитан, надеюсь, что да.

– К сожалению, мадам Лемарн с дочерьми обедают сегодня у знакомых, но это и к лучшему. Обговорим за обедом Ваш отъезд.

Обед прошел в деловом разговоре, словно на совете. Порешали выехать после рассвета. Сопровождать карету графини будет лейтенант Алисандре с восемью всадниками, не считая Истре. Кучером капитан предложил своего лакея. Заночевать предполагалось в Шаринске, куда капитан направил усиленный караул. А утром от Шаринска до замка останется около восьмидесяти миль.

Обсудив все детали, капитан предложил разойтись всем на отдых, задержав Истре.

– Молодой человек, я позволил себе дать указания подобрать Вам новую броню. Думаю, в данных условиях лучше перестраховаться. Дело серьезнее, чем Вам кажется, я очень надеюсь, что Вы без происшествий доберетесь до цели.

После чего отпустил преисполненного благодарности лейтенанта.

Незадолго до полночи, лейтенант услышал стук в стену из комнаты графини и, захватив мечи, перебрался через балкон к ней.

– Я хочу пару часов поспать, мой милый лейтенант, надеюсь, Вы посторожите мой сон.

– Я к Вашим услугам, графиня.

Через несколько минут в комнате повисла тишина, и только тени от огня показывали замысловатый танец на стенах и потолке.

– Лейтенант, мне холодно, – прошептала графиня

– Подкинуть дров в камин?

– Нет, идите ко мне.

Через несколько часов, проснувшись на мгновение, Истре заметил таинственные глаза графини, внимательно рассматривающей его.

– Спи, мой милый лейтенант, я посторожу твой сон. Кто знает, что нас ждет завтра. Спи.

И лейтенант бессовестно проспал до утра, видя, наверное, самый упоительный сон за всю свою недолгую жизнь. Он все-таки догнал свою беглянку, как ни странно, это была графиня, которая протянула во сне свои руки и сомкнула их в объятьях, шепча ему на ухо слова любви.

Проснувшись утром, он увидел одетую в дорожное серое платье графиню, завтракающую у камина.

– Идите, одевайтесь, лейтенант. Да выходите через дверь, от кого нам скрываться, Вы, в конце концов, мой телохранитель, – натянуто улыбнувшись, графиня показала на ухо, потом на камин.

Истре, все поняв, поклонился и вышел.

Засада

День обещал быть замечательным. С утра легкий туман покрыл тракт, обрывками цепляясь за ветки деревьев и создавая немыслимые композиции, затем он отступил, открыв взору почти уходящий к горизонту тракт, прорезающий смешанные лесочки с проплешинами огромных полей. Молодая трава щедро откликнулась на выглянувшее и довольно приятно припекавшее солнце, отзываясь зеленью на каждый лучик. В такт ей и деревья охотно выпустили листочки, обещая в будущем бурную зелень на родивших их ветвях.

Десять всадников на великолепных гнедых лошадях, чуть вытянутым ромбом, трое спереди, трое сзади, по двое с боков, окружали бирюзовую карету. В нее были запряжены не менее великолепные андалийские буланные жеребцы, знаменитые тем, что могут совершать переходы на расстояние сто-сто пятьдесят миль в день, даже неся на себе закованных в броню всадников. В чем мы вынуждены были удостовериться, когда лейтенант и графиня проделали примерно такой путь от Маушино до Карна. Покрывают эти замечательные лошади были бирюзовыми накидками, а правил ими кучер капитана Карна – честь, которую он не оказывал доселе никому. По всей вероятности, этим он хотел загладить холодность приема, который он оказал графине.

Что же до лейтенанта, то он находился у правой стороны кареты, недалеко от дверцы, и периодически переговаривался со своей спутницей. Одет был в новую броню, которую от своих щедрот выделил капитан, принимая во внимание возможную опасность экспедиции. Впрочем, броня лейтенанта почти ничем ни отличалась от брони его спутников, разве что казалась чуть новее.

До заставы Шаринск, где они должны были сделать ночевку, было около 100 миль, поэтому по пути было решено сделать две остановки на заставах в Мирном и Поле, а весь путь должен был занять около одиннадцати часов.

После первой остановки, когда лошади отдохнули, а люди позавтракали у лейтенанта заставы, графиня попросила Истре сесть с ней в карету поболтать, что он и сделал, получив разрешение лейтенанта Алисандре, командовавшего экспедицией.

– Меня несколько напрягает наше неспешное продвижение по тракту, мой милый лейтенант. Я отлично понимаю, что это все, что могут позволить Ваши лошади. Но тем не менее капитану стоило прислушаться к моему мнению и позволить мне самой решать, как и с кем я буду добираться до Аурелии.

– Мне почему-то кажется, графиня, что ему было важнее чтобы Вы добрались до замка, а без конвоя Вы, наверняка, не стали бы это делать. Ведь, как я понял, Вы не особо горите желанием встретиться с герцогом.

– Да, в общем-то, я нисколько не боюсь встречи с герцогом, но Вы правы, Истре, без особой нужды я не искала бы с ним встречи. Они с канцлером не особо дружны, если можно так сказать, и мне нисколько не улыбается быть заложницей в их политических играх, хотя, уверена, что ничего плохого там со мной не случится. Давайте не будем об этом. Я хотела попросить Вас, если случится самое худшее, прошу не забывать что Вы мой телохранитель, сразу взбирайтесь на козлы и гоните что есть мочи. У нас очень хорошие лошади, и есть шанс уйти от погони. Ради всего, не геройствуйте, мой милый лейтенант, это чаще всего приносит печальные результаты. А в данном случае цель одна – доставить меня в замок и по возможности живой.

– Я Вас понял, графиня.

– Я рада это слышать, мой милый лейтенант, а теперь будьте любезны, расскажите о себе.

– Чем, интересно, Вас заинтересовал обыкновенный кадет Его Имперского Величия? – лукаво усмехнулся Истре.

– Не ерничайте, Вы мне действительно интересны, потому я и хотела бы о Вас узнать чуть больше. Жизнь очень непредсказуема, но я уверена, она никогда не будет сводить людей просто так. Всегда есть какой-то тайный смысл, разгадав который мы можем выбрать правильный путь, а не блуждать на авось. А при моей службе это чаще всего вопрос жизни и смерти.

– Да особо и рассказывать-то не о чем, – улыбнулся Истре. – Я младший сын барона Истре, который погиб в III Хивскую кампанию. Указом Его Императорского Величия три года назад был зачислен в кадетскую школу командиров среднего звена, которую надеюсь закончить этой весной и продолжить службу в войсках. Ничем особо пока себя не зарекомендовал, хотя в замке не на последнем месте. Три года подряд завоевывал звание «Первый меч школы». Не буду хвастаться, но, действительно, неплохо владею мечами, особенно двумя. Неплохо стреляю из лука и арбалета, не раз получал призы за выездку и скачки на лошадях. Ну что еще, получил зачет по фортификации и военной архитектуре, по тактике ведения боя, да и по остальным дисциплинам не на последнем месте.

– Все это в общем, мой милый лейтенант, кое-что я видела в действии. В седле Вы, действительно, держитесь неплохо, насчет владения мечами, – графиня пожала плечами, – знаете, нет предела совершенству, запомните это, у Вас приличный потенциал. Но я-то хотела узнать о другом, кем Вы мечтаете стать, какие у ставите цели.

– Странный вопрос, графиня, как представителя класса военных у меня только одна дорога – служить империи, и одно поприще – военное. Ну а мечта, как учат нас в замке, «хороший солдат всегда мечтает стать командиром, хороший офицер – военачальником».

– Понятно, сын купца будет купцом, сын военного – военным, сын священника – священником.

– Ну а что тут странного, графиня, было бы гораздо более странным, захоти я стать купцом.

– Ну а исследователем, путешественником, дипломатом, историком, мореплавателем, да мало ли кем?

– Графиня, я никогда не думал об этом, я с детства знал, что я как младший сын должен буду быть либо военным, либо священником и никогда не подвергал сомнению предназначенный путь.

– Я поняла, только грустно все это, – графиня улыбнулась и пристально посмотрела на молодого человека.

– Да нет тут ничего грустного, честное слово, – улыбнулся он в ответ, – как говорит наш капитан: «каждому свое».

– Может быть, Истре, просто я считаю, что каждый человек должен иметь цель, к которой он должен стремиться, а наши пути, выбранные или назначенные, это только средства достижения цели.

– Ну а какую Вы преследуете в жизни цель, графиня?

– Истре, Вам никто не говорил, что отвечать вопросом на вопрос дурной тон?

– Простите, графиня, но Вы интересуете меня гораздо больше, чем можете себе представить.

– Может быть, но это не повод уходить от ответа.

– Я не знаю, что можно Вам ответить, графиня, цель, ну какая цель, я просто хочу честно служить своей родине, своему императору, своей любимой женщине. Конечно, я хочу прославиться, я хочу, чтобы мной гордились, чтоб мной восхищались, что тут плохого?

– Абсолютно ничего, мой милый лейтенант, Вы еще так молоды, так наивны и честны. К сожалению, все это быстро пройдет, но я уверена, Вы сможете очень многого добиться в этой жизни, если переживете этот день.

– Этот день? А чем он хуже всяких других? Знаете, конечно, были дни гораздо приятнее сегодняшнего, но, к сожалению, рядом со мной не было Вас, графиня.

– Ах Вы, юный льстец! Это господин Моле научил Вас таким оборотам? И сколько дам Вы покорили такими речами? – засмеялась графиня.

– Графиня, я даю Вам честное слово, Вы первая, кому я говорю такие слова.

– Ну что же, допустим, Вы покоряете их молча, возможно, имея такую внешность это не так сложно, а молчание добавляет таинственности в Ваш образ.

– Вы смеетесь надо мной, графиня? – насупился молодой человек.

– Ну если только чуть-чуть, лейтенант. Я так понимаю, через очень короткое время Вы покинете школу?

– Да, скоро мы разъедемся по армейским подразделениям, где будем делать карьеры полководцев, а через год мы решили собраться в замке, чтобы показать, чего добились.

– Ну что же, мой милый лейтенант, если Ваша цель – стать главнокомандующим, то допускаю, что Вы на правильном пути, советую приложить усилия и попасть в гвардию. Гвардейские части императора – это самый короткий путь вверх, лейтенант.

– Вы хотите сказать, что если я попаду в обыкновенное боевое подразделение, я никогда не смогу подняться в высшие чины империи? – удивленно спросил Истре, и, увидев, что графиня молчит, продолжил. – Я не согласен с Вами, я уверен, что, честно служа империи, можно заслужить славу и почет.

– Вы абсолютно правы, мой милый лейтенант, просто это легче сделать в гвардии, а в войсках... да, можно, надо быть или отчаянным храбрецом, или великолепным стратегом. Только такие гибнут сотнями в войну.

– Ничего, мы прорвемся, я не трус и не тупица.

– Вот уж в этом я нисколько не сомневаюсь. У Вас есть девушка, Истре?

Не ожидавший такой быстрой смены темы, лейтенант смешался и не нашелся, что ответить.

– Ну так как? – с улыбкой переспросила графиня.

– До нынешнего времени не было никого, графиня.

– Как изволите понимать, лейтенант? – улыбка сошла с лица графини.

– Теперь появились Вы, графиня.

– Не бросайтесь словами, лейтенант. Слово – это такая сфера, что может изменить саму жизнь.

– Но что же делать, графиня, я влюблен, влюблен в первый раз в жизни и, по-видимому, навсегда. Я понимаю всю нелепость положения, влюбиться в замужнюю даму, но говорят «сердцу не прикажешь».

– Чушь, лейтенант, вы, люди, в смысле, вы, мужчины, не способны на такие возвышенные чувства, о которых пытаетесь говорить и писать. В вас говорит голос плоти, страсть, жажда обладания, да мало ли что еще, но, уверяю вас, это не любовь. Любовь, я не могу просто описать это человеческим языком, таких слов просто нет. Понимаете, лейтенант, Вы хотите обладать, владеть, получать, а любовь, она заставляет отдавать, жертвовать, понимать. Нет, все не так, я же говорю, словами это не объяснить, тут должна говорить душа.

– Графиня, я готов пожертвовать ради Вас своей жизнью.

– Ах, лейтенант, сейчас меня окружают, кроме Вас, еще десятков мужчин, и я уверена, что каждый из них пожертвует ради меня своей жизнью. Но разве они любят меня? Нет, мой милый лейтенант, они отдадут ее потому, что так велит их долг, так приказал их командир. Так что это не самый веский аргумент.

– Какой же аргумент Вам нужен, мадам?

– Не называй меня мадам.

– Но все же?

Повисла неловкая пауза, стало жарко и душно, графиня стукнула тростью по стенке кареты и крикнула:

– Остановитесь, лейтенант хочет выйти.

– Прости, мой милый лейтенант, – произнесла она, пристально посмотрев на молодого человека, – нам не стоило заводить этот разговор.

– Как скажете, мадам, я только не пойму, что это было ночью – каприз, благодарность, шутка?

– Простите, Истре, я сделала ошибку, но мне было холодно, страшно и одиноко, и я подумала, почему бы и нет. Глупо, я знаю, но сделанного не воротишь. Я ни о чем не жалею и ничего не забуду. А Вы забудьте, Истре, я не Ваша судьба.

– Вы сказали говорить должна душа. Так слушайте же ее, графиня, замолчите в своем негодовании и слушайте, моя душа кричит Вам, но Вы ее не слышите, почему, графиня?

– Прощайте, лейтенант.

– Прощайте, графиня.

Истре посидел, потом сделал движение к дверце кареты, но был остановлен рукой графини.

– Лейтенант.

– Да, мадам?

– Как Ваше имя?

Молодой человек задумался на мгновение, потом грустно посмотрел на графиню и произнес:

– Родные звали меня Ингиар, говорят, на древнем языке это означает «счастливый». Друзья называют меня Риото, что означает «двойной меч», я говорил Вам, что неплохо владею мечами, мое родовое имя Истре, выбирайте.

– Ингиар – это эльфийское имя, и означает оно «приносящий счастье», – задумчиво произнесла графиня.

– Эльфов не бывает, мадам.

– Береги себя, милый лейтенант.

– Зачем, мадам? Прощайте.

Лейтенант вышел из кареты, отвязал повод лошади от ручки кареты, грациозно, как на параде, вскочил в седло и занял свое место в ромбе.

Карета двинулась в путь, занавеска на окошке кареты опустилась, и никто не заметил, как по щекам графини катились жемчужины слез.

То, чего каждый в глубине души остерегался, произошло, когда они проехали половину пути между Поле, где была сделана вторая остановка, и Шаринском. Люди устали, притупилось внимание, к тому же стало смеркаться, а, может, просто профессиональная засада. Как бы то ни было, когда до цели осталось чуть больше полутора часов, в сухой тишине, где раздавался только стук лошадиных шагов, громко тренькнули арбалеты, срезавшие с коней переднюю тройку конвоя, а с левого бока кареты из небольшого лесочка, почти вплотную подходившего к тракту, ровным строем рванулись пять черных всадников.

– Засада, – пронеслось неведомо кем выкрикнутое слово.

– Истре, пробивайтесь вперед, вторая тройка за ним, – скомандовал лейтенант Алисандре и с левой двойкой рванул наперерез черным всадникам, пытаясь отрезать их от кареты.

– Вперед, – скомандовал Истре, выхватив меч, и четверка, словно зимний вихрь, устремилась за ним. Еще мгновение, и они, обогнав карету, почти стоптали трех арбалетчиков. Почти. Какой-то секунды им не хватило опередить выстрел. Двое из четверых вылетели из седла с пробитыми головами, а третий болт попал точно в грудь молодому кучеру, буквально пронзив его насквозь. Мощный удар Истре перерубил руку арбалетчику, а двое других, которые увернулись от мечей, были растоптаны лошадьми.

Риото, наверное, позволительно будет называть его так, оглянулся, и увидел, что пятерка черных всадников неслась за ними.

– Они убили всех, – крикнул он спутнику, который поравнялся с ним.

– Надо сменить кучера, иначе лошади перевернут карету.

Истре кивнул, и, поравнявшись с каретой, хладнокровно, как на манеже, перепрыгнул на козлы.

Конвойный через мгновение оказался рядом с Истре. Еще миг, и его лошадь, не выдержав этой бешеной скачки, рухнула на тракт. Тут удача не оставила их, рухнувшая лошадь попала под копыта пятерки и один из черных всадников вылетел из седла.

– Хо-хо, четверо против двух, прорвемся, лейтенант! – восторженно воскликнул конвойный. – Держи свою сторону, – добавил он, увидев, что всадники обходят карету с двух сторон.

Это были его последние слова, не успев парировать удар, он был практически насквозь пронзен мечом черного всадника. Но вряд ли тот успел обрадоваться столь быстрой и удачной победе: в спускавшемся сумраке мелькнул отливающий синевой меч Истре, и черный всадник, разрубленный от плеча, покотился под ноги своего коня. Чуть слышный треньк из кареты, и вот еще один черный всадник покотился по дороге.

– Двое, графиня. Их осталось только двое, прорвемся! – вскричал Истре, перемещаясь к левому борту.

Не успел он завершить свой маневр, как случилось непредвиденное: лошади шарахнулись в сторону, карета накренилась и через мгновение перевернулась. Истре отбросило в сторону, он перелетел через голову и упал на спину. Воздух словно вылетел из его легких, да и сами легкие чуть не последовали за ними. Боль была ужасной, и сознание покинуло его...

– Где она? – сквозь гул в голове и дикую боль в затылке услышал Истре.

– Кто «она»? – с трудом ворочая языком, переспросил Истре, поняв, что вопрос адресован ему. Гул в голове усилился, слова стали неразборчивы. «Это враг, – понял он, – его надо убить, „она“ – это графиня, ее надо спасти. Убить, спасти. Убить – это последний шанс ее спасти. Последний шанс, да, последний шанс».

– Что? Какой шанс, говори, где она, – ворвалось в сознание Истре, туман рассеялся, и он увидел склонившуюся над ним голову.

– Говори, щенок, – повторила голова.

– Я тебе не щенок, – прошептал Истре и поднял руку.

Мгновение, и смертоносный шип выскочил из рукава и пробил горло ненавистной голове. Что-то теплое полилось ему на лицо. «Это кровь, – понял Истре, – я убил его».

И, словно в подтверждение его слов, где-то далеко он услышал вопль.

– Гор, он убил его.

– Ах ты тварь. Прикончи его, Малыш.

«Почему их двое? – удивился Истре. – Я ведь убил одного.»

Это была его последняя мысль, острая, невыносимая боль пронзила низ живота, все потемнело:

«Я умер...» – понял лейтенант.

Риото немного ошибся, их осталось не двое а трое, откуда взялись остальные, наверное, не так уж и важно, но двое из троих стояли у перевернутой кареты и в растерянности смотрели на нее. Графини там не было, и в какую сторону и когда она сбежала, было неясно. Неизвестно, что решили бы они дальше, но какая-то серая, почти невидимая тень подобрала валяющийся возле кареты меч Истре, потом со скоростью почти на грани с человеческими возможностями приблизилась к ним со спины.

– Ау, ребята, оглянитесь, чтобы принять смерть лицом, – проговорила тень...

У них не было ни одного шанса, у этих опытных воинов: через несколько секунд на тракте прибавилось еще три трупа. Затем эта тень подошла к почти умершему Истре, опустилась, перед ним на колени и прошептала.

– Ты собрался умереть за меня, мой милый лейтенант, ну уж нет, это слишком легко. Я говорила тебе, «смерть не самый весомый аргумент для любви», нет, милый, ты попробуй для меня выжить.

Яркая вспышка озарила рану Истре, потом она превратилась в маленький, с детский кулачок, святающийся шарик, который повис над животом лейтенанта и медленно, словно нехотя, опустился в кровоточащую рану.

– Мне надо идти, мой милый лейтенант, я слышу, как сюда скачут ваши люди, они неуклюжи, как все воины, но они помогут тебе, мой милый.

Рядом с рукой Истре упал его меч, и повисла тишина.

Минут через двадцать к месту трагедии подъехало с десятков закованных в броню всадников, это были люди капитана Карна, спешившие им на встречу из Шаринска.

Замок Валенштайн

В огромном отделанном золотом кабинете, который украсил бы любой дом обеих столиц империи и удовлетворил бы самый взыскательный вкус столичного вельможи, за рабочим столом сидел высокий седой мужчина в коричневом придворном одеянии, с восьмиконечной звездой на груди и круглым золотым диском с гербом Андрии на длинной золотой цепи – двумя самыми высшими знаками отличия империи. Это был слегка постаревший, но все такой же бравый генерал армии и советник императора – герцог Валенштайн. И находился он в собственном замке, куда прибыл для подготовки к торжественному мероприятию, посвященному первому выпуску кадетов «школы командиров среднего звена». На это значительное по местным меркам мероприятие должен был приехать император и даже произнести речь молодым людям, а в скором времени командирам как в армии императора, так и в фамильных замках аристократии. Событие столь знаменательное, что, как уже было сказано, в замок в спешном порядке прибыл герцог, чтобы лично проконтролировать подготовку к прибытию императора. Прибыл, как всегда, со всей семьей и челядью, а также с ротой имперских гвардейцев, которых расквартировал в Аурелии.

Перед ним навтыжку стояли четыре человека: капитан-комендант замка Валенштайн барон Корениун, капитан-лейтенант городской стражи барон Орениус, лейтенант замковой стражи господин Лорман и личный советник герцога, его близкий и, наверное, единственный друг граф Фужи. Герцог изволил гневаться, мало того, он был в бешенстве и уже в течение десяти минут высказывал этим достопочтимым людям, что он думает о них и о выполнении ими своих обязанностей.

– Нет, это же надо, – в очередной раз повторил герцог. – Для чего я Вам плачу жалование, господа? Чтобы по моим лесам бегали разбойники, а по дорогам свободно разгуливали наемники, которые наверняка во сто крат опаснее этих бедолаг крестьян, от голода сбежавших в леса? Нет, Вы ответьте, для чего? – сделав паузу и грозно посмотрев на стоящих перед ним офицеров и не увидев у них желания с ним спорить, герцог продолжил. – И что самое страшное, это отребье безнаказанно убивает моих лучших людей, и это когда через месяц ко мне должен пожаловать император. Вы хоть понимаете, какую честь мне оказывают, вы понимаете, какая на мне лежит ответственность? За триста лет в моем замке никогда не останавливался ни один представитель правящей династии. И Вы хотите лишить меня такой чести? Да! Хотите! Ведь если будет хоть малейшая опасность, пусть даже гипотетическая, я первый буду умолять императора отменить поездку. Но имейте в виду, господа, в этом случае я с позором выгоню Вас из армии и отправлю в Ваши же замки убирать навоз за лошадьми. Да что ж здесь происходит, господа, Вы можете мне, наконец, объяснить? Какие-то детские игры, какие-то забавы, заставы, патрули, все это полнейшая чушь! Необходимы меры радикальные и конструктивные. Через пару недель леса зарастут зеленью, и тогда до разбойников вообще будет не добраться. Значит так, господа, даю Вам две недели времени и свою роту в придачу, берите свободных людей гарнизона, но примите меры. Господин Корениун, Вы головой отвечаете за успешное проведение операции. Через две недели Вы докладываете, что в моей провинции больше нет бандитов и разбойников, а тракт безопасен для передвижения. А чтобы я в этом удостоверился, по окончании операции Вы посадите свою жену и дочь в открытую карету без конвоя, и они проедут от Валенштайна до Павеска и обратно. Все свободны.

Отсалютовав герцогу, офицеры вышли.

– Садитесь, Фужи, я не понимаю, что тут происходит, – уже более миролюбивым тоном произнес герцог.

– Проклятая война, герцог.

– Чушь, граф, война прославляет победителей и укрепляет державу.

– Да, это точно, еще пара таких побед, и мы станем легкой добычей любого захудалого западного княжества.

– Когда-нибудь тебя вздернут на виселице за твои крамольные речи, граф, а меня за то, что я тебя не вздернул сам.

– Но, герцог, у нас не вешают графов, это удел простолюдинов, мне по меньшей мере могут только отрубить голову.

– Согласен, только сначала я тебе сам отрежу язык.

– Думаю, с этим не стоит торопиться, Ваша светлость.

– Ладно, давай к делу, так что там у нас есть?

– Мало что, очень мало, чтобы сделать какие-то выводы, пока только одни догадки. Велите подать вина, ужасно пересохло в горле.

Герцог позвонил в колокольчик, и через несколько минут на маленьком столике появились фрукты, печенье и слегка запотевший графин с вином. Граф поставил на секретер стоявший чуть сбоку от стола герцога ларец, который до этого держал в руках, и стал выкладывать из него бумаги. Потом налил себе вина, развернул одну из бумаг, пробежался по ней глазами и протянул ее герцогу.

– Вот донесение капитана-коменданта Карна, Ваша светлость.

– Что в нем? – отмахиваясь от бумаги, спросил герцог.

– Капитан пишет, – укладывая бумагу обратно в ларец, произнес Фужи, – что лейтенант заставы Маушино, кадет Вашей школы, господин Истре три дня назад приконвоировал в город молодую женщину, тридцати-тридцатипяти лет от роду, отбитую им у группы вооруженных всадников в четырех милях от заставы Маушино в направлении Павеска, куда следовал лейтенант, по его словам, для согласования действий по уничтожению разбойников с лейтенантом заставы Петухово кадетом Филисио.

– Заметь, Фужи, даже кадеты понимают, что нынешняя ситуация просто ненормальна сама по себе. Ведь это пустое дело, прохаживаться вдоль тракта, заходя на обеды в ближайшие деревни.

– Я думаю, Ваша светлость, патрули не совсем бесполезны, в результате патрулирования резко упали количества нападений на караваны, а крестьяне, так те вообще перестали жаловаться.

– Еще бы, просто купцы стали ездить с охраной да и сами вооружены не хуже разбойников, что не есть правильно. Да и не так уж их много, этих купцов, хотя канцлер предрекает нам бум торговли этой осенью. А твои крестьяне наверняка просто откупились от разбойников, вот их и не трогают. Но это ненормально. Кстати, император очень обеспокоен безопасностью торговых путей, и не только по Староневежскому тракту, но и далее за Павеском, вдоль Хивы. Именно поэтому тут имперская рота гвардейцев. Ладно, это дела будущие, что там пишет этот мастер эпистолярного жанра? Только давай покороче, устал я что-то сегодня.

– Лемарн пишет, что эта женщина представилась личным посланником по особым поручениям первого канцлера и представила соответствующий случаю документ, да не какой либо, а «эльфийскую бумагу». Более подробную информацию предоставить отказалась, а узнав, что Вы в замке, потребовала доставить ее к Вам. Что он, собственно, и попытался сделать, но для начала собрал информацию о ней и так называемых наемниках, для чего под предлогом безопасности и починки ее кареты задержал ее на полтора дня. Ничего толком не раскопав ни о так называемой графине, по данным капитана ее не видели в Павеске, по моим данным она там не появлялась, ни о так называемых наемниках, их обыск ничего не дал, ни одной зацепки, их тоже не видели в Павеске. На телах не было, к сожалению, ни тайных знаков, ни какой другой информации, что довольно странно, обычно почти все наемники носят знаки своей гильдии. Не зацепившись ни за что, Лемарн был вынужден отконвоировать ее в замок, под надежным, как ему казалось, конвоем. Но, как Вы уже знаете, Ваша светлость, до замка они не добрались,

весь конвой по дороге был уничтожен, за исключением Истре, который тоже мало чем отличался от мертвого. Ну и что самое невероятное и печальное, так называемая графиня исчезла.

– Все интереснее и интереснее, граф. Это уже пахнет скандалом. Как бы там ни обстояли дела, будут говорить, что мои люди не в состоянии уберечь женщину, направленную с какой-то тайной миссией. Мало того, окажется, что ездила она с этой миссией по приказу императора, и только благодаря неспособности моих людей выполнить свой долг миссия была провалена. Ты понимаешь, Фужи, это катастрофа.

– Я понимаю, Ваша светлость, это несправедливо хотя бы по отношению к Вашим войнам, которые честно выполнили свой долг и остались на этом тракте.

– Ты прав, как всегда, Фужи. Но если уж говорить прямо, капитан Лемарн совершил полнейшую глупость, головотяпство и некомпетентность. К нему что, каждый день попадают дамы с бумагами, подписанными такими важными персонами? Да зная, что за ней охотятся наемники, он в тот же день должен был переправить ее в замок, сняв, если надо, весь гарнизон. А он спокойно дал им подготовить очередную засаду. У него, похоже, совсем нет головы.

– Я думаю, что домашние заботы несколько негативно повлияли на его трезвый расчет. Вы, наверное, не в курсе, Ваша светлость, его старшая дочь должна была выйти замуж за лейтенанта Алисандре, и на днях они должны были обручиться.

– Бедная девочка, и перед таким событием он отправил лейтенанта в такое серьезное дело?

– Служба прежде всего, Ваша светлость.

– И все равно это его не оправдывает, такой опытный человек и так сглупить. Сколько их было, этих наемников?

– Шесть человек было уничтожено у Маушино, десять – не доезжая Шаринска.

– Ого, представь, шестнадцать наемников в полном вооружении беспрепятственно передвигаются по моей территории, а мы об этом ничего не знаем. Да они таким количеством могли в легкую захватить Карн в одну ночь, просто так, если бы он им зачем-то понадобился.

– Я думаю, Вы несколько преувеличиваете их возможности, Ваша светлость, они потянули десять человек на тракте против десятерых ваших солдат, а если учесть, что они были в засаде и застали конвой врасплох, так и вовсе им повезло, что их не уничтожили сразу.

– Что значит врасплох, граф, что это за конвой, который можно застать врасплох?

– Я и сам еще не знаю всех подробностей, Ваша светлость, дознаватель прибыл буквально перед тем, как Вы вызвали меня к себе, может быть, заслушаем его?

В ответ на кивок герцога Фужи позвонил в колокольчик, и по его распоряжению в кабинет вошел невысокий, худощавый человек, одетый в обыкновенный дорожный костюм. Несмотря на довольно заурядную внешность, в нем чувствовался какой-то внутренний стержень, черные выразительные глаза указывали на его целеустремленность, а уверенность, с которой он зашел в кабинет и склонился в почтительном, но не униженном поклоне, говорила о его уверенности в себе. Это был человек графа Фужи, один из лучших дознавателей в созданной графом небольшой «тайной страже», служившей во благо интересов герцога Валенштайна и не раз выполнявшей тайные и иногда щекотливые поручения.

– Докладывайте, Море, – приказал граф вошедшему человеку.

– Я, по указанию Вашего сиятельства, провел расследование по всему пути следования экспедиции. Где-то на середине пути от заставы Мирное до заставы Поле на конвой была устроена засада из трех арбалетчиков, расположенная у самого тракта. Учитывая, что начало смеркаться, они сумели подпустить передовую группу из трех всадников почти на тридцать ярдов и, вероятнее всего, залпом снесли всех трех. Попадание точно в голову – в поднятое забрало – шансов выжить – никаких. По-видимому, в это время из леса выскочило пять всадников, пытаясь отрезать движение кареты. Лейтенант Алисандре с двумя конвойными, вступил в схватку,

отрезая всадников от кареты, но, к сожалению, не смогли даже задержать их. Все были убиты буквально в несколько секунд, и наемники продолжили преследование.

– Да, а ведь лейтенант Алисандре далеко не новичок, бросаться втроем на пятерых наемников – это самоубийство, – покачал головой герцог.

– Я думаю, Ваша светлость, он хотел навязать им бой, чтобы лейтенант Истре мог оторваться, и хоть немного задержать преследователей.

– Втроем против пятерых наемников. У него не было ни одного шанса даже замедлить шаг лошадей. Продолжайте, Море.

– Второй залп арбалетчиков уничтожил двух конвойных и кучера на козлах кареты, но оставшиеся двое всадников уничтожили их. Одному была отрублена рука, и он вскоре умер от потери крови, второго сбила лошадь и буквально переломила ему хребет, а третьего просто растоптали, в добавок он получил болт, по-видимому, стреляли из кареты. Пятерка наемников стала нагонять карету, на козлы которой перебрались оба конвойных. Тут наемники потеряли одного из своих – он вылетел из седла и остался лежать на тракте. Что удивительно – его смерть наступила в результате удара тонким кинжалом и, по-видимому, уже после стычки. Потому что он пытался отползти от тракта. Это могла сделать только графиня, тело которой не было найдено. Еще одного наемника уничтожил лейтенант Истре, только его меч мог так разрубить доспех, а один сломал себе шею, падая с лошади, которую убили, по-видимому же, из кареты, потому что в ней нашелся разряженный арбалет и болты к нему.

Казалось герцог задумался, словно проигрывая в голове все сказанное Море, и тот замолчал, вопросительно посмотрев на графа, который подбодрил того кивком.

– Следы показывают, – кашлянув продолжил Море, – что в это время навстречу карете из леса выскочило еще два всадника, спровоцировавшие, по-видимому, столкновение. Карета перевернулась, господин Истре каким-то чудом остался жив, а его спутник к тому времени уже был зарублен. Тут начинается невероятное, ваша светлость. Все четыре наемника были убиты Истре. По крайней мере, трое явно были зарублены мечом, который был найден около лейтенанта на земле, а один проткнут шипом, торчавшим из-под рукава доспеха. Я предполагаю, что получив свое смертельное ранение, Истре заколол противника шипом и потерял сознание.

– Да он какой-то герой, а не кадет, Ваша светлость, – произнес Фужи.

– Неудивительно. Он три года подряд брал звание Первый меч школы. Капитан Корениун очень высоко отзывался о его боевой подготовке, – добавил Море.

– А что за меч вы упомянули, который, по-вашему разумению, «мог так разрубить доспех»? – заинтересовался герцог.

– Ваша светлость, по моим данным, после стычки у Маушино, лейтенант стал обладателем «пламенеющего лезвия», который как трофей ему разрешил оставить себе капитан-комендант Карна, господин Лемарн. Осмотреть его я не сумел по той причине, что данный меч находится в настоящее время в подвале замка под охраной личных телохранителей Вашей дочери, и никому не разрешается к нему подходить.

– Что за чушь, Море, при чем тут моя дочь? – нахмурил брови герцог.

– Я очень сожалею, Ваша светлость, но когда я попытался подойти к помещению, где находится меч, лейтенант Ловел просто приставил мне кинжал к горлу и пригрозил проткнуть меня насквозь, если я не уберусь. Я обратился к Вашей дочери, но она посоветовала мне заняться чем-нибудь другим и желательно в другом месте.

– Ладно, ладно, я разберусь. Оставим это. Я из Вашего доклада так и не понял, где графиня?

– Ее нет, Ваша светлость. По-видимому, она сбежала во время стычки, отсиделась в лесу, а потом отправилась в сторону Мирное. Но на этом все следы исчезли, вместе с ней. Розыск по прилегающей территории ничего не принес. Графиня исчезла.

– Чудеса. Лошади все нашлись?

– Да, Ваша светлость.

– Ну не могла же она уйти пешком, надо прочесать весь лес, Фужи.

– Слушаюсь, Ваша светлость, – кивнул тот.

– Вы установили личность убитых? – обратился он снова к Море.

– Устанавливаем, Ваша светлость. Но если это наемники, то наши розыски, к сожалению, ни к чему не приведут.

– Хорошо, граф, давайте закончим на этом. Я устал. Жду Вас вечером к обеду, за Вами еще партия в шахматы.

– Слушаюсь, – поклонился Фужи, собирая со стола бумаги.

После того, как посетители ушли, герцог прошел по личному коридору до апартаментов дочери и постучался в ее двери.

– Здравствуй, Ливия, – произнес он, входя в комнату. – Как у тебя дела?

– Все нормально, отец. Этот противный Море уже успел на меня пожаловаться? – с улыбкой произнесла белокурая красавица с огромными голубыми глазами, вставая с небольшого диванчика, на котором она уютно пристроилась, читая какой-то свиток. Ее окружение мгновенно исчезло за дверями, в которые только зашел герцог.

– Как быстро до тебя доходят новости. Иногда мне кажется, что быстрее, чем до меня, – поцеловал в щеку дочь герцог.

– Просто я хотела тебя видеть, но в приемной томился этот человек. Я у тебя не совсем дурочка и поняла, что он хочет тебе доложить.

– Понятно. А что это все-таки за история с мечом?

– Понимаешь, отец. Твой врач сказал, что рана Истре практически смертельна и он вообще в недоумении, почему он еще жив. Поэтому мы обратились к врачевательнице. Она дала нам рецепт, который дает шанс Истре выжить.

– Моя дочь обращается к шарлатанам? – насупился герцог.

– Вообще-то, она очень известная народная целительница, отец, – нахмурила бровки Ливия.

– Понятно, колдунья. И что же это за рецепт?

– Знаешь, его нельзя говорить мужчинам, но он требует, чтобы меч умирающего находился в подвале дома, где находится умирающий, ну и там определенные обряды. Отец, я очень тебя прошу – не забирай меч.

– И ты веришь во все эти бредни? Знаю я ваши обряды «завернуть меч в одежду болящего и поливать его водой, омывающей его тело, следить за тем, чтобы меч никто не трогал». Да еще вроде делать это должна девушка, безответно его любящая. Все это чушь, кстати, надеюсь эта девушка не ты? Каким бы героем он ни был – он очень низкого происхождения.

– Отец, эта девушка не я, но она очень близкая моя подруга и очень сильно его любит. Не отнимай у нее последнего шанса, прошу тебя, – слезы брызнули из ее глаз, и она с усилием продолжила. – Я ей обещала.

– Милая, да делай, что хочешь, я просто хотел посмотреть на этот меч, ну нельзя, так нельзя, я что – враг тебе что ли? – мгновенно растаял перед слезами дочери герцог.

– Спасибо, отец, – присела в реверансе Ливия, – да, я приказала перенести Истре во дворец, тут он будет под настоящим присмотром, ну и, сам понимаешь, раз меч тут в подвале. Ты не против?

– Я же сказал, делай, как хочешь. Нам нужно обдумать с тобой, как мы будем встречать императора. Времени особо нет, а придумать надо что-нибудь оригинальное.

– Я уже думала об этом, отец, и, мне кажется, мои идеи тебе понравятся...

Тем же вечером, играя в шахматы после обеда, герцог поинтересовался последними сплетнями в замке и осторожно подвел разговор об Истре и его таинственной воздыхательнице. О трудной задаче, которую поставила себе она, взявшая на себя ответственность о его

выздоровлении. А также о последующих шагах, которые должны будут последовать в случае успеха кампании. Фужи как опытный «царедворец» понял, к чему клонит герцог, и в пространственных речах успокоил герцога в его опасениях. «Да, путь ее почти безнадежен и долог, но зато какой приз достанется этой бедняжке, если все получится, да и герцог наверняка не покусится, чтобы поддержать такого подающего надежду воина». Устав соперничать в словесной игре с графом, герцог прямо, хоть и вполголоса, спросил имя этой поклонницы.

– Ваша светлость, мне, право, не совсем удобно компрометировать это добрейшее создание.

– Ах, оставьте, граф, должен же я быть в курсе событий, так близко принятых к сердцу моей дочерью.

– Согласен, Ваша светлость, претенденток было больше, чем предостаточно, могу сказать, складывается такое впечатление, что все существа женского пола, от кухарки до фрейлины Вашей дочери, сошли с ума по Истре. Но отдаю должное Вашей дочери, она все поставила на свои места, лучшей кандидатуры Истре не сыскать, да и Лидии Ломорк тоже.

– А, так это дочь лейтенанта, чудненько, она, конечно, не красавица, но сердце у нее, похоже, доброе, да и отец, надо отдать должное, бравый солдат. Если все сбудется, во что я мало верю, знаешь Фужи, а ведь в Аурелии уже полгода как вакантно место лейтенанта гарнизона. Почему бы нет, этот Истре, похоже, лихой ветер.

– Согласен, Ваша светлость, тем более, что под надзором барона Орениуса не забалуешь.

– Да и барон уже далеко не молод, – задумчиво произнес герцог, делая мат королю Фужи.

Что ж до самого Истре, то он и не предполагал, какой переполох произвел в сердцах молоденьких и не очень дам, так как находился в прямом смысле между жизнью и смертью в одной из комнат дворца, у дверей которой день и ночь стояла стража из числа личной охраны Ливии.

В этой комнате всегда горел в камине огонь, а у кровати Истре сидела молодая, очень бледная девушка, уже упомянутая дочь лейтенанта гарнизона замка Валенштайн по имени Лидия. Одна из самых близких подруг Ливии. Как уже упоминалось, она была влюблена в Истре уже давным-давно, но молодой человек не только не отвечал взаимностью, но даже не замечал бедную девушку. Теперь же, когда врач не оставил Истре ни одного шанса на выздоровление, она одна еще на что-то надеялась. Ливия не осталась безучастной к своей подруге и, разыскав в Аурелии известную в некоторых кругах врачевательницу, тайно ее навестила и получила в обмен за некоторое количество серебряных монет древний ритуал, который, по заверению врачевательницы, способен был спасти от смерти даже смертельно раненого человека. Основной смысл этого ритуала почти точно описал герцог, не вдаваясь в подробности. Но именно в скрупулезном исполнении этого ритуала, как то: омовении больного трижды в день освященной храмовой водой через равные промежутки времени и окроплении этой водой меча умирающего, завернутого в его окровавленную рубаху, с произношением выздоравливающего заклинания, – был залог ожидаемого успеха. Кроме того, были использованы все доступные средства, от чтения вслух святых книг до покупки множества амулетов, которые располагались во всех углах комнаты, если так можно сказать. Вследствие ли принятых мер, либо каких других причин, но на удивление личного врача герцога Валенштайна, господина Суси, лечившего всю семью герцога, если дела больного и не шли на поправку, то ему не становилось и хуже.

Тем временем замок и город преображались, готовясь к встрече с императором. Дома и мостовые мылись щетками, украшались зеленью и разноцветными клумбами, лентами, флажками и новыми вывесками. Кадеты тренировались в парадном движении на лошадях и пешим строем. Отрабатывались показательные выступления мечников, стрелков и наездников. Гвардейцы под непосредственным командованием барона Корениуна методически вычи-

щали леса от разбойников, проводя в седле по восемнадцать часов и были близки к тому, чтобы выполнить команду герцога.

В один из таких дней, а точнее будет сказать, вечеров, когда суматоха дня несколько спала, и свободные от службы офицеры могли себе позволить немного расслабиться, а в коридорах замка стало появляется все меньше народу, мимо то ли задремавшей, то ли задумавшееся стражи у дверей комнаты Истре мелькнула тень и проскользнула в чуть приоткрытые двери. Лидия, бессменно дежурившая у кровати Истре, свернувшись калачиком, мирно посапывала в кресле. Темный, почти неуловимый глазом в полумраке комнаты силуэт остановился возле нее, немного постоял, словно оценивал, затем приблизился к Истре. Послышался тихий шорох, тихий стрекот сверчка, силуэт склонился к Истре, долго стоял в таком положении, затем стремительно скользнул к двери. Задержался возле нее, вернулся к больному и неожиданно приник к его голове. Это можно было бы назвать поцелуем, если бы у силуэта была бы голова, но ни на что другое это было не похоже. Наконец, так называемая тень отпрянула и послышался тихий голос, больше похожий на журчание ручейка: «Похоже, я люблю тебя, мой милый лейтенант». Затем этот почти бестелесный силуэт так же бесшумно выскользнул из двери и растворился в темноте дворцовых переходов.

Где-то стукнула дверь, оба стражника вздрогнули, один из них прикрыл дверь и шепнул другому что-то чуть слышно, второй кивнул в ответ. Проснувшаяся Лидия поправила простыню на плечах Истре, подкинула дров в камин, и, усевшись в кресло, стала, как всегда, пристально вглядываться в его лицо. Что-то непривычное было в нем, и она никак не могла понять что, пока вдруг ее не озарило: если раньше его дыхание было почти не слышно, и врачу приходилось прикладывать зеркальце ко рту Истре, то теперь он дышал ровно и глубоко. Лидия бросилась к дверям и приказала стражнику срочно пригласить господина Суси, и, подумав, добавила: «И госпожу Ливию, если это ее не затруднит». Через некоторое время врач, которого именем Ливии вытащили из кровати, и сама Ливия, которая еще не ложилась, стояли у кровати Истре. Осмотрев больного, господин Суси был вынужден констатировать:

– Кроме как чудом, леди, больше ничем этот факт я объяснить не могу. Не буду скрывать, что состояние больного очень тяжелое, но кризис мы пережили, и у него очень неплохие шансы выжить...

Весна в тот год выдалась ранняя. Прихваченные солнечными лучами снега стаяли как-то враз, обнажив полусонную землю, еще не отогревшуюся от зимы, но уже улыбающуюся мгновенно проклюнувшейся зеленой травкой и набухающими почками.

Война, шедшая, казалось, где-то далеко, но, словно щупальцами диковинного монстра, высасывающая все соки из деревень и городов, кончилась. Наемники ушли, дав надежду крестьянам, что уж в этом году не будет тех непомерных налогов, что шли на содержание бесчисленных воинов, «вставших на стражу империи» и отбросивших степняков куда-то в бескрайние и далекие степи. Налогов, которые почти разорили большую часть поселений и, несомненно, были причиной голодных смертей и небывалого роста разбойничьих шайк и банд. Налогов, большая часть которых, по мнению простого люда, были попросту разворована бессовестными чиновниками и сборщиками.

Жизнь должна была вот-вот наладиться, осталось только дожить до новых урожаев, дожидаться караванов купцов и, самое главное, дожидаться возвращения мужчин, ушедших на войну.

Все замерло в ожидании. В ожидании нового, чего-то хорошего, которое вот-вот должно было случиться.

– Все будет хорошо, – прошептали пересохшие губы молодого человека, прикованного к постели тяжелой раной, излечение которой местный врачеватель в глубине души иначе

как чудом объяснить себе не мог. – Все будет хорошо, – прошептал он вновь и провалился в беспамятство, где боль отступала, а перед глазами проходили его прожитые годы.

– Все будет хорошо, — похлопал по плечу молодого юношу лет четырнадцати-пятнадцати, пожилой, можно сказать, почти старый мужчина.

Оба путника были на уставших лошадях, к которым, кроме обычных седельных сумок, были приторочены небольшие баулы с каким-то скарбом. Да и на лицах их лежала печать длинного путешествия.

– Да, я знаю, – кивнул в ответ юноша, в голосе которого было гораздо больше уверенности, чем в яростно стучавшем сердце.

Горло предательски запершило и тот, чтобы скрыть волнение, склонился к своей лошади и потрепал ее по холке.

– Устала, Серая, – участливо спросил он ее, – ничего скоро уже.

Юноша поднял голову и с тревогой посмотрел на грозно стоящий вдалеке замок.

Это был не просто замок, замок это был там далеко, дома, а тут это была настоящая крепость, цитадель, оплот, словно гигантский и бесстрашный воин, перегородивший дорогу и своим зорким взглядом оглядывающий окрестности.

Это был замок Валеништайн, родовое имение герцога Валеништайна генерала армии, советника императора и самого именитого и родовитого вельможу при дворе Его Имперского Величия.

Именно в этот замок уже на протяжении нескольких недель стекались вереницы молодых людей от тринадцати до пятнадцати лет, все без исключения верхом на лошадях, в сопровождении кто слуг, кто наставников, а кто и просто сопровождающих. Подъезжая к центральным воротам, они, предъявив стражнику бумагу с гербовой печатью, беспрепятственно въезжали внутрь, где их встречал один из сержантов или лейтенантов из числа гарнизона замка и размещал в одной из четырех казарм, расположенных в освобожденных и перестроенных для этого баинях.

Когда-то замок представлял собой большой донжон, окруженный со всех сторон зубчатыми стенами и укрепленными воротами, с каждым годом он все более и более принимал свой нынешний грозный вид. Появился второй ряд крепостной стены, внешний двор с хозяйственными постройкам. Появились барбаканы – баини обороняющие подступ к мосту, бартизаны – сторожевые баини, бастионы – сооружения в виде выступов в крепостной стене, казематы – сводчатые помещения для защиты войск, машикули – навесные бойницы, реданы, клуатры, мерлоны и многое-многое другое, что необходимо для настоящего замка. Утверждают, что и теперь через много лет после его постройки, кстати говоря, строили его более тридцати лет, этот замок является самым грозным сооружением современности.

Мало того, постройка такого грозного форпоста чуть не навлекла гнев императора на Эдуара Валеништайна, основателя сего замка, поскольку злые языки утверждали, что строители этого архитектурного чуда преследовали не столько цели оборонять восточные границы империи, а как раз наоборот, оберегать низложенных правителей от преследования новой династией. Но как бы то ни было, Валеништайну удалось убедить императора в своей лояльности и получить звание барона империи. С тех пор замок неоднократно достраивался, в частности донжон превратился из мрачной и неприступной цитадели превратился в довольно уютный и роскошный дворец, основной целью которого являлось удобное проживание герцога с семьей и его многочисленной прислуги.

Тут же находились апартаменты всех важных лиц замка, тут же проходили приемы, в те времена, когда герцог проживал в замке, а проживал он в замке два-три раза в год в среднем по пять-десять дней за проезд. Привозил с собой всю семью, и тогда замок и вся провинция во главе с Аурелией оживали. Надо отдать должное, герцог любил Аурелию, основанную

его предком почти триста лет назад и город да и вся провинция платили ему взаимностью. Один из самых богатых людей империи, он был справедлив, насколько может быть справедлив вельможа и властитель к своим поданным и подчиненным. Он был добр и щедр для своих друзей и любимцев, но очень строг и непримирим, а иногда и просто жесток к недругам.

Молодой человек и его спутник, дав передохнуть лошадям, продолжили свое путешествие и вскоре подъехали к уже упомянутым воротам и, предъявив гербовую бумагу стражникам, были пропущены внутрь. Не успели они осмотреться, как к ним подошел лейтенант стражи и, недовольно сообщив, что они опоздали, тем не менее провел молодого человека во внутренний двор и поставил в одну из четырех шеренг, стоящих перед дворцом.

Когда ожидание стало совсем уж затягиваться, и молодые люди вначале державшиеся напыщенно и строго в соответствии с ситуацией, начали нетерпеливо переговариваться, сначала шепотом потом все громче, на балкон вышел важного вида глашатай и после того как прогремели литавры громко объявил:

– Его светлость герцог Валеништайн.

В мгновение ока повисла тишина, а он, строго посмотрев на присутствующих, важно скрылся, как будто он был если не самим герцогом, то, по крайней мере, его доверенным лицом.

Еще мгновение, и сам герцог вышел на балкон в сером, военного покроя, костюме и, внимательно посмотрев на стоящих на площади молодых людей, не громко, но хорошо поставленным голосом произнес:

– Здравствуйте, кадеты, – он поднял руку останавливая нестройное приветствие, раздавшееся ему в ответ. – Надеюсь, уже очень скоро я в ответ на свое приветствие услышу стройный ор, подобающий настоящим воинам, это первое, чему вас тут научат. Все вы дети погибших героев прошедшей войны, все вы младшие сыновья героев, отдавших свои жизни за величие нашей империи. Война забрала самых лучших воинов, самых лучших командиров, но остались вы, те, кто поднимут знамена непобедимых войск империи. Вы, кто по указу Его Императорского Величия будут учиться в кадетском корпусе, чтобы овладеть навыками боевых искусств, навыками ведения боя, навыками командования и навыками исполнения команд. Вы, кто по прошествии трех лет выйдут из стен этого замка настоящими воинами и командирами. Император верит в вас, молодые люди, он называет вас новой порослью боевых побед, он называет вас своими кадетами. Не подведите его...

Речь герцога длилась около получаса, и за это время будущие кадеты внимали ему, как великому оратору, впитывая в себя каждое слово, пронизанное патриотизмом и величием. Поднаторевший в политических прениях и различных спорах и диспутах, герцог ловко нанизывал слова друг на друга, создавая замысловатые фразы, плавно перетекающие одна в другую. Закончив политическую и патриотическо-воспитательную часть, герцог сменил тон и уже как командир четко и отрывисто закончил:

– ... Сегодня ваши наставники покинут вас, и вы вступите в настоящую воинскую семью. Через три года, пройдя все ступени воинского обучения, вы выйдете отсюда настоящими воинами и командирами, чтобы пополнить непобедимую армию Его Императорского Величия. Командовать Вами будет капитан-комендант замка барон Корениун, который передаст свои полномочия своим лейтенантам и сержантам. Его команды подлежат беспрекословному исполнению, поскольку с сегодняшнего дня вы приняты на воинскую службу, а, значит, отказ исполнить приказание является ничем иным, как бунтом, и будет караться по законам империи. Надеюсь, что это лишнее напоминание, и никто из присутствующих не осквернит память павших отцов попыткой нарушить воинский долг.

Герцог помолчал, сурово посмотрел на притихших юнцов, ошарашенных такой пламенной речью, кивнул и продолжил:

– Капитан, примите под командование кадетов Его Императорского Величия, — после этого герцог развернулся и скрылся в комнате.

Капитан, стоявший все это время перед строем молодых людей, развернулся к ним и, отдав строю имперское приветствие, приложив правый кулак на левую сторону груди, глухо произнес:

– Прошу внимательно слушать меня, поскольку я никогда не повторяю дважды, но очень жестко спрашиваю о выполнении моих указаний. Вы стоите в шеренгах, каждую из которых возглавляет лейтенант гарнизона, который с сегодняшнего дня является вашим командиром и у которого есть два помощника – сержанта. С настоящего времени кто-то из них всегда будет находиться вместе с вами. Выполнение их команд является обязательным, поскольку они выполняют обязанности, которые наложил на них через меня господин герцог.

– Каждая шеренга с сегодняшнего дня, – продолжил капитан, – называется кадетская рота, и является военной единицей, компактно проживающей в отдельной казарме. Почти все, кроме нескольких опоздавших, уже разместились в казармах, остальные разместятся прямо сейчас. С сегодняшнего дня ваши наставники покинут вас, оставив вам минимум вещей. Вы поступаете в кадетский корпус на полное обеспечение, то есть вас будут кормить, одевать, снабжать необходимым снаряжением. Кроме того, вы будете получать некоторое денежное довольствие для личных нужд.

Капитан стал прохаживаться вдоль шеренг, внимательно рассматривая юношеские лица, иногда останавливаясь напротив кого-нибудь, словно пытаясь вспомнить кого-то, и тогда его речь чуть приостанавливалась, но чуть покачивая головой, словно отгоняя какую-то мысль, он продолжал.

– Вам будет дозволенно получать посылки от родных в количестве и объемах, позволенных уставом кадетского корпуса, с которым вы сегодня же будете ознакомлены. Вам разрешен выход в город с позволения лейтенанта и сержантов, периодические свидания с родными, краткосрочные отпуска и выходные. Правила и порядок получения вышеперечисленного будет озвучен вашими сержантами.

С сегодняшнего дня и до выпуска вы становитесь кадетами, равными друг перед другом независимо от титулов ваших родных и доходов ваших земель. Со временем, в зависимости от ваших заслуг и наклонностей, вы получите военное прозвище, а пока вас будут называть по вашим землям, упуская ваши титулы и звания.

Он помолчал, чуть скривил губы в усмешке какой-то промелькнувшей мысли и продолжил:

– С завтрашнего дня вы будете учиться военному искусству, нести воинские повинности, участвовать в маневрах и учениях, проходить различные испытания, соревноваться в боевых играх, участвовать в состязаниях. Будет очень трудно, но можете мне поверить, скучать вам тут не придется. Вы научитесь ценить дружбу, поймете, что такое локоть товарища, что такое взаимовыручка, что такое боевое братство. Поверьте мне, вы столько много узнаете, что я вам немного завидую. Опытные воины поделятся с вами такими секретами, которые самостоятельно вы бы не изучили и за долгие годы, они научат вас тому, чему нам приходилось учиться на своем собственном опыте путем проб и ошибок. Я уверен, что никто из вас не пожалеет о проведенных тут годах.

Капитан остановился, поглядел на стоящих во главе шеренг лейтенантов и закончил:

– Лейтенантам, развести кадетов по казармам, дать два часа на прощание с наставниками, и, согласно расписанию, поротно поужинать...

Молодой человек застонал, попытался приподнять голову, чем всполошил молоденькую сиделку, что дремала в кресле возле его кровати. Она соскочила, положила руку на его горячий лоб и зашептала:

– Тише, тише, все хорошо.

– Пить, я хочу пить, – прошептал он в ответ, – я, похоже, потерял фляжку в этой скачке, а возвращаться нельзя.

– Конечно, нельзя, – согласилась девица, смачивая его губы мокрой губкой.

– Вода, какая вкусная вода, – прошептал молодой человек, снова проваливаясь в забытие.

– ...В нашем арсенале огромный выбор разнообразного оружия – от всеми известных мечей бастардов до фланбергов, от глеф до алебард, от боевых молотов до боевых кувалд, от палиц до кистеней. Каждое оружие имеет свои сильные стороны, о которых я расскажу, каждое оружие имеет своего мастера, способного раскрыть эти стороны. У каждого из вас наверняка будет свое любимое оружие, но для всех видов есть единый закон: обнажая его, будьте готовы убить противника.

Сержант Поль, уже давно седой мужчина, чуть грузноватый, невысокий, с огромными бегающими глазами немного помолчал, словно ожидая реакции на его последнюю фразу, чуть пожал плечом и продолжил:

– Несомненно, большинство из вас может с гордостью заявить, что уже не один год оттачивает мастерство владения холодным оружием и готовы выйти на ристалище с любым воином — я бы этого не советовал. Я и сам взял в руки меч, еще не научившись толком ходить, и, хотя он был по тем временам деревянным, могу с уверенностью заявить, что именно тогда началось мое обучение. На протяжении многих лет я оттачивал свое мастерство, но и сейчас я бы не решился сказать, что познал все секреты этого оружия. Я научу вас базовым элементам владения всеми видами мечей, ножей, алебард, щитов, поскольку хочу отметить, что щит это, несомненно, оружие нападения и защиты. Именно в таком порядке. Поскольку хороший и точный удар щитом вполне способен оглушить противника, то есть временно вывести его из строя, ну а меч или катицбальгер – закончить начатое. Ну и, несомненно, щит – важнейший атрибут в защите, особенно если на вас нет мощных доспехов. Но вернемся к мечам: это поистине великолепное и удивительное оружие, своим разнообразием и красотой поражающее воображение. И хотя наш уважаемый капитан-комендант не устает повторять, что в бою копье гораздо важнее меча, обучение мы все же начнем с меча. Несмотря на то, что каждый из вас хорошо знаком с этим оружием, я все-таки расскажу вам про существующие виды мечей, составные части меча, историю развития мечей и дам много интересных и полезных советов.

Начнем по порядку:

Меч состоит из клинка, хвостовика, рукоятки, которые можно детально разделить на: острие, долу, лезвие, рикассо, крест, ручку, головку. Вкратце, для чего необходима каждая часть, ваши предложения господа:

– Головка? Вы?

– Для баланса меча.

– Еще? Поднимайте руку, при этом называйте себя, так мы быстрее познакомимся.

– Ливье. Предотвращает соскальзывания руки с рукоятки.

– Отлично, еще, вы?

– Рене. Рукой на головке можно усилить удар.

– Отлично, особенно если вы собираетесь сделать пронизывающий укол. Еще. Вы?

– Истре. Головкой можно нанести удары тыльной стороной, при том как держась рукой за рукоятку, так и взявшись руками за клинок.

– Отлично, Истре.

– Еще? Вы?

– Либер. В сочетании с крестовиной головка оберегает руку от удара о щит противника.

– Отличный пример, действительно, при ударе о щит кисть руки остается внутри пространства, созданного рукоятью, крестом и головкой, плоскость щита не причиняет ущерб

руке. Этот прием мы разберем на следующем уроке, когда будем разбирать базовые удары мечом. Давайте дальше. Крест...

– ... Истре, в стойку, вспомните все, что я говорил о владении двумя клинками одновременно, должно же было что-то отложиться в вашей голове. Нападайте, попробуйте, чтобы ваши удары были осмысленны и создавали определенные комбинации, движения, танец. Танец клинков, да, это самое точное название, давайте потанцуем, сударь, – сержант встал в стойку, выставив вперед два коротких меча. – Не торопитесь, Истре, медленно и плавно отработайте задуманную комбинацию и продумывайте защиту при контратаке. Начали...

– Отлично, еще раз. Хорошо. А теперь в настоящем темпе. Великолпно, Истре. Определенно Вы делаете успехи, советую Вам при самоподготовке уделить особое внимание изучению этой дисциплины. Два клинка – это Ваше призвание и хотя в настоящем бою от двух клинков немного толку, но в индивидуальной схватке им нет равных, особенно если немного подумать и подобрать вам небольшой кулачный щит и приладить его на руку.

– Давайте повторим. Отлично. Знаете, я, пожалуй, готов попросить Элиаса позаниматься Вами персонально. Это наш гвардеец, ему нет равных в бою двумя клинками, – сержант слегка усмехнулся, подбадривая молодого человека. – Еще раз в максимально возможном темпе, только не забываете, танцевать должно все тело, а не только руки и ноги. Начали.

– Отлично сударь, – остановил бой сержант, потирая рукой плечо, куда ему попал при атаке Истре, – можете гордиться, я, пожалуй, порекомендую капитану дать Вам прозвище Риото, это термин, обозначающий парные мечи. Думаю, я в Вас не ошибся. Вы первый из роты, кто получил боевое прозвище, Драчун и Громила, понятно, не в счет, это скорее дружеские прозвища. Но не зазнайтесь, мой друг, ибо впереди у Вас еще длинный путь.

А теперь, господа, прошу разбиться на пары, и начнем отработку основных движений и ударов. Напоминаю, что в основном рубящие удары мечом отражаются плоской стороной клинка. Особо уделяем внимание приему «скручивание». Прошу, господа...

...Господа, прошу вбить себе в голову, что фехтование на мечах – это вовсе не рубка, господин Громила. Это не просто применение грубой силы, это разнообразные и сложные приемы, это, прежде всего, голова, – постучал себе по лбу сержант, оглядывая усевшихся полукругом кадетов, большинство из которых тяжело дышали и вытирали пот рукавом.

– Вспомните, что я вам говорил: прежде всего, вы должны постараться нанести удар первыми, заставить противника отступить, если это не удалось, выждать его атаку, отразить ее «добавочным ударом», при этом парирование является началом ответного удара. Инициатива перехватывается, противник отступает. Необходимо всегда удерживать инициативу, но при наступлении всегда быть готовым перейти к обороне. И еще, не старайтесь победить своего напарника, вы сейчас отрабатываете удары и движения, это на данном этапе гораздо важнее.

На первом этапе пусть наступает один, а другой обороняется и пытается перехватить инициативу, потом наоборот, – сержант хлопнул ладонями, – поднялись, хватит отдыхать, разбились по парам...

Лето первого года обучения было особенно долгожданно и ожидаемо после пронизывающих холодов в казармах, заставляющих молодых людей постоянно кутаться в куртки, а ночью лежать под одеялом стараясь не двигаться, чтобы не запустить холод. Как приятно было на мгновение закрыть глаза, подставив лицо долгожданному теплоте солнца, растянуть воротник и освежить грудь приятным ветерком.

В середине лета весь личный состав кадетов был переброшен в полевой лагерь, где и находился до конца осени, проводя дни в маневрах и учениях, в выезде и ежедневных упражнениях в боевом строю.

– Вы никогда не сможете уверенно чувствовать себя в бою, если не освоите элементарных азов ведения боя в строю. Поскольку это несколько иная техника, чем вам преподавали мастера индивидуального боя, – убеждал их капитан-комендант. – Современные пешие войска вполне способны противостоять рыцарским войскам, демонстрируя слаженность и боевой дух.

В казармы с летних лагерей прибыли возмужавшие юноши, очень не похожие на тех напуганных детей, которые еще год назад стояли перед строгим взглядом герцога Валентайна.

Смотр, которому он подверг курсантов, был своего рода экзаменом за прожитый год, и он, по его мнению, был сдан всеми. Немногословный в этот раз герцог отметил достигнутые результаты, поставил задачи на следующий год и отметил особо отличившихся. Так, по итогам летних маневров кадет Ингиар Истре по прозвищу Риото получил почетное звание «первого меча кадетского корпуса».

Со второго года кадеты получили право и обязанность стоять в караулах на стенах замков и у ворот вместе с воинами гарнизона замка. Ночные патрули, конвоирование, почетные караулы, все воинские службы теперь не обходились без участия кадетов, а в теоретических уроках добавилась фортификация, преодоление естественных и искусственных преград, а также правила ведения осад и обороны укреплений и крепостей.

Со второго года за успехи в обучении кадетам разрешалось по выходным посещать город, кроме того, с соизволения герцога, все кадеты были приглашены на зимний бал к городскому старшине, в связи с чем были срочно введены уроки танцев...

– Так это был сон? – разочарованно прошептал Риото.

Боль как-то день за днем отступала все больше, и Риото уже не чувствовал себя бабочкой, приколотой к постели какой-то злой рукой. Сознание возвращалось к нему сначала на совсем короткое время, и он снова соскальзывал в бесконечный сон, где он вновь и вновь оказывался в одном из эпизодов бесконечной бешеной скачки, где он раз за разом отбивался от черных рыцарей, недоумевая где-то в глубине сознания, почему он мчится по одному и тому же маршруту, зная что впереди его ждет засада, зная, что он сейчас потеряет всех спутников и, что самое страшное, потеряет свою спутницу, за жизнь которой он поклялся отдать свою. Он пытался изменить этот маршрут, остановить бешеную скачку, но сон заканчивался всегда одинаково: страшный удар в живот, заставляющий его со стоном открыть глаза и потерять сознание. Затем приходила тишина и темнота, а вместе с ними странное существо без тела, с тенями-руками, от которых приходило избавление от боли и жара.

Затем сознание стало возвращаться на более длительный срок и, почему-то в основном ночью он чувствовал присутствие какого-то незримого существа возле себя, которое приносило ему облегчение и в то же время какую-то апатию. После достаточно долгого бдения он вновь соскальзывал в сновидения, но они были другие: не агрессивные, а какие-то великодушно-добрые, позволяющие отдалиться им без боязни получить воспоминания о боли и смерти. Он видел во сне яркие эпизоды своего обучения, проживая снова дни в замке и проживая радостные события и вспоминая такие незначительные эпизоды, какие никогда, наверное, не вспомнил бы наяву.

Риото открыл глаза, посмотрел на свернувшуюся калачиком в кресле девушку и удивленно отметил, что уже день или, по крайней мере, утро, поскольку солнечные лучи нескромно забрались в комнату в полуоткрытые ставни. Оглядывая комнату, в которой он, по-видимому, провел много времени и не видел до сих пор в полной красе, он равнодушно отметил золоти-

стую драпировку стен, горящий камин за спиной у спящей девицы, лицо которой ему почему-то было знакомо, расставленные по углам комнаты странные вещицы, больше похожие на чудные игрушки или амулеты, стоящие на специальных подставках, платяной шкаф и пару полукресел у маленького столика, на котором стоял большой подсвечник с догоревшими в нем свечами.

Он повторно оглядел комнату и вдруг понял, что в комнате находится кто-то еще. Не заметив больше никого, а в комнате спрятаться было просто негде, он прислушался к своим ощущениям, как советовал ему как-то один из воинов, когда темной ночью они стояли в карауле, и ему показалось что невдалеке кто-то смотрит на него. Как и в тот раз, он явственно почувствовал присутствие кого-то и, как в тот раз, этот кто-то смотрел на него. Только в тот раз это был лейтенант, проверяющий несение караула, и скрывался он в темноте, а тут в освещенной комнате точно никого не было. Или нет?

Риото вдруг обратил внимание на едва заметную «тень», или вернее даже уплотнение воздуха возле двери.

– Я знаю тебя, – неожиданно для себя проговорил вдруг он, – ты приходишь ко мне во сне.

– Еще бы, – чуть насмешливо ответила «тень», знакомым голосом, – ты, насколько я помню, решил умереть за меня, я просто не могла этого допустить.

– Почему? Столько достойных людей погибло, защищая Вас, – узнал графиню Риото, – чем я лучше других?

– Наверное, я влюбилась в тебя, что само по себе очень странно, я даже сказала бы, нелепо, – произнесла графиня, откидывая с головы капюшон плаща и, словно какая-нибудь сказочная фея, появляясь из ниоткуда.

– У меня что-то с глазами, – хладнокровно спросил Риото, – или Вы волшебница?

– У тебя все уже хорошо, – подошла к нему графиня и положила руку ему на лоб, – просто я знаю секрет, как незаметно подкрасться.

– Почему любовь ко мне нелепа? – опоздало попытался обидеться Риото, с некоторым удивлением понимая, что на самом деле не испытывает никаких эмоций по поводу этих слов.

– Потому что я давным-давно дала себе зарок больше никогда не влюбляться. Мое сердце разбито, да и вообще, зачем тебе об этом знать?

– Странно, Ваши колкие слова не трогают меня, я словно камень или лед. Хотя я знаю, я влюблен в Вас, влюблен до такой степени, что готов бросить к Вашим ногам свою жизнь, свою карьеру, свое будущее. Что со мной? Я ведь никогда не был таким?

– Это пройдет, – погладила его по щеке графиня, – я имею в виду твой лед, просто чтобы не дать тебе уйти, мне пришлось использовать максимум моих ментальных сил, и, как следствие, несколько затормозить твои эмоциональные и физические ощущения. Ты был почти мертв, еще бы пару минут, и я ничего бы не смогла сделать.

– Да, наверное, Вы одаренная целительница, от такого удара, который нанесли мне, обычно умирают, – поцеловал руку графини Риото. – Спасибо Вам.

– Не бери в голову, я отплатила тебе долг за ту встречу на тракте, можешь мне поверить, я тогда тоже была в несколько стесненных обстоятельствах.

– Всегда к Вашим услугам, леди, – с серьезным видом поклонился Риото.

– Да, похоже, я немного переборщила. Но ничего, скоро это пройдет, можешь мне поверить. Правда вернется боль, уж слишком тяжелы были твои раны, но ты уже вполне ее сможешь терпеть. А что до твоей жизни, карьеры, будущего, то я пока не готова принять такой дар. Мне от тебя нужно только одно: чтобы ты поправился.

Графиня натянуто улыбнулась и отняла свою руку, которую Риото все еще держал возле своих губ.

– Ты говорила, что ты любишь меня, это правда? – сурово продолжил юноша, переходя на ты, почему-то понимая, что это будет абсолютно правильно.

– Я, вообще, очень редко лгу, – улыбнулась графиня, – как сказал бы мой брат, «я патологически правдива».

– Тогда почему мы не можем быть вместе? – не оценил ее шутку Риото.

– Я пока не готова к этому. Ты для меня как новый этап в моей жизни. Ты словно шальной вихрь, ворвавшийся в мою уютную изолированную от внешнего мира квартирку, где мне было уютно и спокойно. Вихрь, который поставил вверх дном все находящееся там. Мое сердце напугано и в то же время сжимается в сладкой истоме. Оно хочет спрятаться в самом укромном местечке, боясь той боли, что уже один раз пережило, и в то же время хочет унести с этим вихрем, чтобы забыть об этой боли навсегда.

– Ты говоришь, как поэт, я даже не совсем могу тебя понять.

– Похоже, я заразилась выпренными фразами от моего брата, он бард. Очень хороший бард, – улыбнулась графиня.

– Знаешь, я, наверное, кажусь тебе ужасно тупым. Я сам себе кажусь ужасно тупым, но я не понимаю, если ты любишь меня, а я тебя, не стоит ничего бояться, любовь пересилит все, – покачал головой Риото, вновь завладевая рукой графини.

– Спи, – погладила его по голове графиня, – тебе надо больше спать. Спать и еще гулять. Пить красное вино и много есть. Скоро ты поправишься, и все войдет в свое русло. А мне, к сожалению, уже пора. Я уже давно должна была быть в пути, но ты не отпускал меня, каждый раз заставляя меня возвращаться. Спи, мне надо уходить, чтобы разобраться в себе, чтобы завершить начатое дело и чтобы, наверное, вернуться еще раз, если я все-таки решусь.

– Иди, решай, – согласился Риото, впадая в какую-то прострацию, – только скажи, как тебя зовут.

– Валькиралия. Но можешь звать меня Кирия. Так зовут меня близкие. А для всех остальных я Лия. Спи.

Лия провела по его лбу рукой, убедилась, что уснул, дотронулась до повязки на его животе и грустно прошептала:

– Думаю, твое исцеление, дорогой, очень дорого обошлось графу Ришоу. Но я, к сожалению, очень слабый целитель. Мне надо было в свое время больше слушать «лекции» Фэншэн-шоу, когда он пытался учить меня в своем замке, а теперь надо будет наверстывать упущенное самой. Судя по твоему безрассудству, милый, тебя не раз придется лечить.

С этими словами Лия сжала руку спящего юноши и прошептала:

– Как не хочется от тебя уходить, это что-то. По-моему, я влюблена. Прости меня, Олаф, я, кажется, предала тебя, но я ничего не могу поделать. Может, расстояние сгладит эту страсть? Только я боюсь, что это не страсть, а любовь, а я редко ошибаюсь, практически никогда.

С этими словами Лия накинута на голову капюшон и, прошептав что-то себе под нос, вновь превратилась в невидимую тень. Подошла к приоткрытой двери, обернулась к лежащему юноше, хлопнула в ладоши и, словно озорной ветерок, исчезла в коридорах замка.

От ее хлопка вздрогнули задремавшие стражники, поправили на себе амуницию и, оглянувшись по сторонам, чтобы убедиться, что никто не заметил их отступления от службы, важно продолжили нести охрану.

От ее хлопка вздрогнула спящая в кресле девица, потянулась, склонилась к Риото, накрыла его плечи белоснежной простыней.

От ее хлопка медленно, словно выныривая из глубокого омута, очнулся молодой человек и, увидев хлопчущую над ним девицу, с разочарованием прошептал:

– Так это был сон?

– О чем Вы говорите, сударь? – осторожно прошептала девица, привыкшая, что Риото временами бредит.

Надо отметить, что госпожа Лидия уже давно не сидела ночи напролет у изголовья Риото, как делала это в первые недели его беспомощности. Как только врачеватель герцога объявил, что

кризис миновал, она вернулась к своим обязанностям первой фрейлины дочери герцога госпоже Ливии, но тем не менее каждый день по несколько часов сидела с раненым и безмолвно смотрела на него. Ее служанка Мия, которая стала подменять ее у изголовья больного, случайно услышала, как Лидия жаловалась своей госпоже, что с некоторых пор она чувствует себя неуютно, когда остается в комнате наедине с Риото:

– Представляешь, – а девушки были на ты, – я постоянно чувствую, что на меня кто-то недобро смотрит, это так страшно.

После этой жалобы раненого перенесли в другую комнату, на втором этаже, с большим окном, выходящим во внутренний садик, но ничего не изменилось, Лидия все также боялась оставаться наедине с Риото. Поэтому ее бдения взяла на себя ее служанка, которая успокоила себя тем, что, по-видимому, какая-то соперница госпожи напустила на нее морок, чтобы отвести от молодого человека, а поскольку Мия не претендовала на его руку, то ей и нечего бояться.

Как бы там ни было, но она действительно не испытывала никаких отрицательных эмоций, находясь в комнате, мало того, ей тут было уютно и комфортно.

– О чем Вы говорите, сударь? – осторожно переспросила девица, видя, что молодой человек смотрит на нее и, по-видимому, и не думает бредить.

– Я очень хочу красного вина и еще очень хочу на солнце, – попытался улыбнуться Риото, но улыбка вышла какая-то кривоватая, больше похожа на грустную усмешку.

– Я передам госпоже Лидии Ваши пожелания, сударь, – кивнула девица и, увидев, что Риото в ответ молчит, выбежала в двери.

Через десяток минут, в комнате Риото былолюдно, как в дворцовом зале. Сюда пожаловала леди Ливия со своей свитой и лечащий врач герцога господин Суси.

– А Вы неплохо выглядите, сударь, – улыбнулся Риото врач, проделав с ним некоторые манипуляции, которые важно назвал «осмотром» и по этому поводу попросил выйти всех из комнаты, что все и поспешили сделать, за исключением дочери герцога и ее подруги Лидии, которые просто уселись на полукресла подальше от кровати с раненым и сделали вид, что увлечены беседой.

– Да, очень даже неплохо, сударь, – повторил врач, с удовлетворением потирая руки. – По крайней мере, гораздо лучше, чем когда Вас доставили в замок. Гораздо лучше. Меня больше беспокоит, что Вы в основном спите и бредите, и хотя сон – это лучшее лекарство, но советую уже подниматься и помаленьку начинать ходить.

– Я хочу вина, – серьезно посмотрел на врача Риото.

– Это замечательно. Я приветствую Ваше желание выпить красного вина. Оно окажет благоприятное влияние на восстановление крови в организме, мало того, вино само по себе является лекарством. Кроме того, оно возбудит Ваш аппетит, Вам сударь надо будет начинать есть. Только, леди, – обернулся он к притихшим девушкам, – первое время я предлагаю разбавлять вино водой. Один к одному.

– Что один к одному? – не понял Риото.

– Вино с водой. На одну порцию вина, столько же воды. Я думаю, Ваши спасительницы меня отлично поняли. И еще, раненого надо перевести в просторную солнечную комнату, чтобы он начинал уже ходить.

– А кто мои спасительницы? – начал было Риото, но тут за дверью послышался какой-то шум, и в приоткрытую дверь просунулась головка девицы и тихо пискнула:

– Граф Фужи.

Головка исчезла, и через мгновение в комнату вошел вышеназванный граф. Безукоризненно одетый в красный бархат, он церемониально поклонился дамам, которые немедленно ответили ему на приветствие, только если одна едва наклонила голову, то вторая немедленно поднялась с полукресла и низко присела в реверансе.

– Я вас приветствую, милые дамы, госпожа Ливия, госпожа Лидия, вы опять на стаже здоровья этого бедного юноши. Похвально. Думаю, многие рыцари мечтают иметь таких сиделок, когда они получают ранения. Это так романтично.

В голосе графа играла нескрываемая ирония, которая заставила покраснеть Лидию и чуть побледнеть Ливию. Она чуть поджала губы и с некоторым вызовом произнесла:

– Вы изволите смеяться над нами, господин граф?

– Ну что Вы, леди, – пошел на попятную граф, видя что шутка не удалась. – Вы совершили чудо для этого молодого человека, и я преклоняюсь перед Вами и Вашей фрейлиной, – граф изящно поклонился. – Разрешите переговорить с молодым человеком от имени герцога и задать ему пару вопросов?

– Можно подумать, у нас есть выбор, – фыркнула Ливия, – только не думайте, что мы уйдем, мы останемся здесь, чтобы Вы не сильно утомили раненого. Имейте совесть, он только-только пришел в себя, – встала Ливия, видя, что граф пытается ей что-то возразить.

– Мне остается только покориться, – смиренно развел руками граф. – Как здоровье раненого? – обратился граф к врачу.

– Я думаю, что все плохое уже позади, через неделю он сможет самостоятельно гулять, а через две приступит к тренировкам, чтобы восстановить атрофировавшиеся мышцы.

– Отлично, сударь, отлично, – кивнул граф и обратился к Риото. – Я рад, что Вам уже лучше, господин Истре, уж позвольте мне называть Вас так. Я не особо люблю все эти прозвища. Человека красит родовое имя, что бы по этому поводу ни думали господа военные, – граф немного помолчал, по-видимому, ожидая ответ от раненого, но, не дождавшись, продолжил. – Вы у нас, сударь, герой и самая известная личность как в замке, так и в городе. Про Вас слагают легенды, Вами гордятся кадеты, по Вам вздыхают девицы, – лукаво скривил губы он.

– На самом деле, я не понимаю о чем Вы говорите, сударь, мои спутники все погибли, исполняя свой долг, а я, напротив, остался жив, хоть и не понимаю, почему. Я не лучше их, просто, по-видимому, мне повезло. Думаю, это они настоящие герои, а отнюдь не я, – Риото проговорил это спокойным, слегка безразличным тоном, несколько не смущаясь колючего взгляда графа.

– Я рад, что нынешняя молодежь скромна и учтива, – улыбнулся граф, слегка оглядываясь на притихших девиц и отошедшего к ним врача. – Но тем не менее Ваши боевые заслуги, несомненно, впечатляют, Вы наверняка уничтожили по крайней мере четверых наемников, прежде чем потеряли сознание.

– Может быть, господин граф, – попытался пожать плечами Риото, – мне тяжело вспомнить все подробности, но, пожалуй, за двоих я поручусь.

– Нет, нет, сударь, как минимум четверо, именно столько трупов было возле Вашего тела, из них трое были зарублены мечом, а один – Вашим удивительным шипом. Как там у него имя? Последний шанс? Оригинальная задумка, хоть несколько спорна в честном поединке.

– Вряд ли нашу стычку можно было назвать честным поединком, – безмятежно скривил губы Риото, – а в бою хороши все средства.

– Не спорю, сударь, не спорю. Вы действительно выполнили свой долг, и я ни в коем случае не хочу умалить Ваших заслуг. Все же положить четверых наемников, это не под силу даже опытному воину. Его величество приобрел отличного бойца.

Граф тепло улыбнулся молодому человеку, но при этом его глаза оставались холодны и колючи.

– Вы уже не первый раз утверждаете, что я положил всех этих наемников, – задумчиво произнес Риото, – но, по-моему, Вы переоцениваете мои способности. Я помню, отрубил руку арбалетчику в самом начале схватки, потом, да, мы смяли остальных лошадьми, потом мне удалось разрубить еще одного, когда он атаковал карету. Затем карета перевернулась, я упал, по-моему потерял сознание, кто-то допрашивал меня и я, – Риото задумался, чуть помолчал

и словно что-то вспомнив продолжил, – потом, да, я применил шип, соперник упал, и я получил удар в живот. Это все, что я помню.

– Интересно, – покачал головой граф. – А вот дознаватель утверждает, что наемники были зарублены Вашим мечом, который Вы, по-видимому, выронили когда уже падали на землю. По крайней мере, там не было больше ничьих следов.

– Я не помню этого, сударь, – покачал головой Риото.

– Ну это еще ничего не значит. Ведь так, господин Суси? – обратился граф к врачу.

– Совершенно верно, граф, – охотно откликнулся тот, – временная амнезия на фоне посттравматического шока.

– Именно это я и хотел сказать, – кивнул граф. – Как бы там Вы ни считали, а я думаю, мы все же прибавим к этим четверым еще двоих, о которых Вы нам поведали и на этом пока закончим считать Ваши трофеи, сударь.

– Как Вам будет угодно, граф, – с некоторым тщеславием в голосе согласился Риото.

– Да, кстати, – спохватился граф, – а где Вы потеряли графиню Ришоу? Ведь это она была с Вами?

– Я знал ее только как графиню, – несколько поколебавшись ответил Риото. – Но почему Вы говорите, что я ее потерял, она все время была в карете, и за несколько мгновений до того, как карета опрокинулась, вполне удачно срезала нападавшего выстрелом из арбалета.

– Ее, к сожалению, так и не нашли. И ее судьба очень беспокоит герцога. У Вас есть какие-то предположения сударь?

– Думаю, если ее не нашли мертвой, то с ней ничего не случилось, по моему мнению, она вполне может постоять за себя, – с наигранным равнодушием пожал плечами Риото.

– Очень может быть, – задумчиво произнес граф, – в столице ходили правдоподобные слухи, что в бою она нисколько не уступает мужчинам, а я так имею достоверные доклады, что она и вовсе необычайно талантливый воин. Но, как бы там ни было, ни в карете, нигде еще не нашли ни ее саму, ни ее тела. Есть предположение, что ее взяли в плен оставшиеся в резерве наемники, но, опять же, никаких следов.

– Тут я вряд ли чем могу помочь Вам, господин граф, – слегка прикрыл глаза Риото, – поскольку я ничего не помню после того, как опрокинулась карета.

– Ну хорошо, думаю, перед отъездом мы еще побеседуем с Вами, господин Истре, – чуть кивнул головой граф, давая понять что разговор закончен и поворачиваясь к сидящим девицам.

– Хочу сообщить Вам приятную новость, которую все остальные узнают не ранее как завтра, – тоном придворного глашатая произнес граф, – в связи с тем, что Его Императорское Величие не прибывает в Аурелию, господин герцог завтра проведет выпускной смотр, а послезавтра отбудет в столицу. Пакуйте вещи, леди, Вам уже наверняка не терпится вдохнуть столичного воздуха.

– Так Его Величество не прибывает, – разочарованно протянула Ливия, – мы так старались.

– Думаю, Ваш отец оценил Ваши старания, леди, и очень благодарен Вам, – мягко поправил ее граф.

– Да, конечно, – пробормотала Ливия, – думаю, отец очень расстроен.

– Ах, совершенно забыл, – всплеснул руками граф, – я собственно принес Вам письмо, сударь, – повернул он голову к Риото, доставая письмо из кармана камзола. – Сегодня доставил курьер. Господин герцог был так любезен, что собственноручно отписал Вашему брату о Вашем ранении, а как только кризис миновал, уведомил его об этом.

Граф уронил письмо на грудь Риото и, обратившись к врачу, произнес:

– Господин Суси, если Вы закончили осмотр, не могли бы Вы уделить мне немного внимания.

– Ну конечно, граф, – поклонился врач, и они вместе с графом удалились из комнаты.

– Пойдем, Лидия, – скомандовала Ливия своей фрейлине, – господин Истре утомлен, мы навестим его вечером, когда он переберется в другую комнату.

При этом Лидия посмотрела на Риото, словно ожидала от него какой-то реакции. Молодой человек приоткрыл глаза и, равнодушно оглядев девиц, устало произнес:

– Я благодарю за заботу обо мне, леди, я очень польщен Вашим вниманием.

Постояв еще мгновение, словно ожидая продолжения и видя что оно не последует, Ливия проследовала к двери в сопровождении своей фрейлины и в некотором раздражении вышла из комнаты.

Через несколько минут, оставшись наедине с подругой в своей комнате, которая, по общему мнению, была самой изысканной в замке, она с негодованием произнесла:

– А он у тебя больше похож на деревенского чурбана. Мог бы для приличия сказать, что мы его совсем не утомили.

– Мне кажется, что у него нет опыта общения с хорошенькими девушками и он просто растерялся, – попыталась защитить Риото Лидия.

– Хорош будущий офицер, потерявший дар речи перед девицами. И что ты в нем нашла. И вообще, он какой-то заторможенный. Знаешь, прежде чем выдать тебя за него замуж, надо посоветоваться с господином Суи.

– Ты думаешь, у него что-то серьезное? – испугалась Лидия.

– Может, это последствия ранения, хорошо бы это было бы не навсегда, – холодно пожала плечами Ливия. – В любом случае решать тебе.

– Думаешь, его мнения спрашивать не нужно? – Лидия настороженно подняла глаза на подругу. – Ты сердишься на меня?

– Сержусь? Да, наверное, сержусь, но только не на тебя.

– На Истре? – с тревогой уточнила Лидия.

– Да нет, он, конечно, чурбан, но довольно приятный молодой человек, а после того как ты его научишь хорошим манерам, из него, безусловно, получится превосходный кавалер. Я скорее сержусь на саму ситуацию. Не люблю когда, что-то выходит из-под контроля.

– Ты об известии, что император не приедет в Аурелию?

– И об этом тоже. Мы так готовились, и все попусту. Стоило торчать в этом захолустье столько времени. Хотя, с другой стороны, если бы не наш приезд, то нам бы не удалось спасти жизнь одному отважному юноше, которому теперь придется жениться на одной прекрасной девице, – весело расхохоталась Ливия.

Лидия густо покраснела, но, заразившись смехом подруги, расплылась в счастливой улыбке.

– Ты так говоришь, будто свадьба – дело решенное, – покачала головой Лидия, – только, спорю, наш бедный юноша и знать не знает ни о какой женитьбе.

– Наш юноша, может, и не знает, – задумчиво проговорила Ливия, подходя к огромному зеркалу и поправляя выбившиеся из локонов волосы, – а вот его наставник в курсе, кому господин Истре обязан своей жизнью.

– Ну, жизнью это, наверное, громко сказано, – попыталась скромно возразить Лидия.

– Я люблю, когда громко, – пробормотала Ливия, накладывая красную помадку на губы. – Нет, ты сама посуди, что бы с ним было, если бы не моя идея о старинном заклинании, – повернулась к подруге Ливия, убедившись, что выглядит безупречно. – Он как минимум мой вечный должник, а если учесть, сколько бессонных ночей ты провела возле него, то он и без моих усилий должен бросить свое сердце к твоим ногам. А, кроме того, я почти уже обо всем сговорила.

– О чем обо всем? – уточнила Лидия.

– Обо всем, это обо всем, – отрезала Ливия, но увидев чуть поджатые от обиды губы подруги, несколько смягчилась. – Короче, через десяток дней твой ненаглядный должен был бы сделать тебе предложение и получить позволение на вступление в гвардию Его Величия, а может даже и получить офицерский чин. Мы бы помолвили вас в замке, а свадьбу сыграли уже в столице.

– А теперь?

– А теперь, моя дорогая подружка, отец в спешном порядке собирается отбыть в столицу, и его уже не уговорить остаться. Думаю, он, как и я, встревожен резким изменением в планах императора и не без основания полагает, что это жалкие интриги завистников. Несмотря на то, что император с улыбкой взирает на попытки неких лиц уменьшить значимость отца, никогда не знаешь, чем закончится очередная интрига. Быть Валенштайном – дело нелегкое, – закончила пространный монолог Ливия.

– И что же мне делать? – задумчиво спросила Лидия, видя что дочь герцога собралась выходить из комнаты.

– Да, собственно, тебе и делать-то ничего не нужно, – обернулась Ливия, – твой суженый должен попросить твоей руки, вернее, это сделает за него его брат, на что, несомненно, получит согласие твоего отца, с ним отец уже переговорил, и все, летите голуби. Надо только решить, останешься ли ты ожидать этого момента в замке и следить за ситуацией или вернешься со мной в столицу и дождешься этого радостного мига там. Имей в виду, я предпочитаю второй вариант, но первый как-то надежнее.

– Я сделаю, как ты скажешь, – присела в реверанс Лидия.

– Вот и отлично, тогда собираемся. Нечего тут ему мозолить глаза, он и так куда не денется. А мы девицы гордые и скромные. Пойдем, мне надо навестить отца, а тебе – проследить, чтобы перевели нашего витязя поближе к солнцу и земле, да еще он говорил что-то насчет красного вина. Ты наверняка не откажешь ему в этой просьбе.

С этими словами девицы весело покинули комнату и разбежались каждая по своим делам.

На следующий день рано утром, а герцог очень рано вставал и в отличие от своей дочери не любил нежиться в постели, он провел уже упомянутый смотр, где подвел итоги обучения кадетов и дал высокую оценку их боевых качеств, приведя в пример недавнюю стычку с подразделением наемников. Сообщив, что в ближайшее время каждый из кадетов получит назначение на дальнейшую воинскую службу, на которую тот должен будет прибыть после месячного отпуска, герцог объявил об окончании обучения и пригласил на званый ужин, который и состоялся этим же вечером.

Проведя на высоком уровне эти мероприятия, герцог отбыл в столицу, а с ним и его свита. Практически сразу за герцогом отбыла рота имперских гвардейцев, закончившая к тому времени зачистку окрестностей от бандитских шайек, а еще через полмесяца казармы кадетов опустели, поскольку все бывшие кадеты, получив назначение, отбыли по домам, чтобы провести там короткий отпуск перед «долгой и успешной военной карьерой».

Только Риото, к недоумению сержантов, оставался в крепости, набираясь сил после ранения. К недоумению, поскольку все давно привыкли к мысли, что этого юношу ждет блестящее будущее если не в гвардии императора, то уж по крайней мере в личной охране герцога точно, а состояние молодого человека было стабильно отличным. Но время шло, а назначение не приходило, и капитан Корениун осмелился напомнить о юноше в своем донесении герцогу, но, не получив ответа, решил что тут «какая-то политика» и включил его в свою роту «до особого распоряжения».

К такому отношению к себе Риото отнесся с показным равнодушием, что, однако, не помешало ему честно нести службу вместе с остальным гарнизоном, который исчерпав вари-

анты причин откровенной немилости, радушно принял его в свой коллектив. Только поздней осенью, когда по ночам стали замерзать лужи, пришел приказ откомандировать Ингиара Истре Риото лейтенантом крепости Павеск. Говорят, произошло это по настоянию капитана Корениуна, который, не выдержав, позволил себе еще раз напомнить о молодом человеке герцогу, чем, по слухам, рассердил его Светлость.

Как бы там ни было, молодой человек хладнокровно воспринял назначение и на осторожные соболезнования сослуживцев туманно проговорил «свобода стоит дорого». Впрочем, в уточнение он не вдавался и на следующий же день отбыл по месту новой службы, отправив с оказией письмо брату домой.

Лейтенант

Брат, я рад приветствовать тебя, хотя повод, по которому я вынужден написать тебе письмо, возможно, вызовет у нас некоторые недовольства друг другом. Как бы то ни было, важность происходящих событий заставляет меня еще раз обратиться к так избегаемой тобой теме.

Я не буду придерживаться этикета и начинать «разговор» с вопросов о здоровье, службе и погоде, не потому, что меня это не интересует, а лишь потому, что господину Марелю даны строгие указания незамедлительно отписать о всех твоих делах в максимально подробном виде и незамедлительно отправить нарочным. Сам он, как ты заметил, стал слишком стар и уже не годится на роль гонца, хотя как доверенное лицо ему, по-прежнему, нет равных.

Прочитав эти строки, молодой человек бросил взгляд на убеленного сединой, очень худого старика, который с удовольствием расположился на единственном мягком стуле в маленькой комнате, предоставив хозяину расположиться на кровати. Надо отметить, что вышеуказанный стул, кровать, стол и огромный сундук, который был задвинут под стол и вытаскивался из-под него только в тех редких случаях, когда к молодому человеку приходили гости, составляли всю наличествующую мебель в комнате. Впрочем, даже будь у хозяина комнаты желание втиснуть сюда что-то еще, у него могли возникнуть проблемы с пустым пространством, поскольку комнатка мала и к тому же представляла собой обыкновенный чердак, переделанный в жилое помещение. Зато тут было небольшое окно, выходившее на ремесленную улицу, и самая настоящая маленькая печь, которая позволяла хоть как-то сохранить тепло в морозные ночи.

– Я могу приказать принести подогретого вина, – проговорил Риото, ласково поглядывая на старика.

– Нет, нет, – покачал головой старик, и молодой человек вновь вернулся к письму.

Мой дорогой, я не буду от тебя скрывать, что твое нежелание этого брака повергает меня в изумление и недоумение. Брат, это действительно хорошая партия как для тебя лично, так и для всей нашей семьи. Да, может, она и не так знатна, как, возможно, тебе бы хотелось, но это с лихвой перекрывается той заботой и даже любовью, которой ее окружила ее хозяйка и подруга, госпожа Ливия. Это стоит многого, а учитывая, что за нее дают от щедрот герцога неслыханное приданое и возможность служить на выбор либо в гвардии его Величия, либо в личной охране герцога, так это просто удача, уж поверь мне.

Да что я, в самом деле, ты это все знаешь и понимаешь сам, по крайней мере, я надеюсь. В конце концов, Инги, это твоя обязанность перед семьей и я как Глава настаиваю на этом браке.

Дорогой брат, я прошу тебя переговорить с господином Марелем, он владеет полной информацией по этому делу и разъяснит тебе все интересующие детали. Я убедительно прошу принять правильное решение.

Искренне твой брат, барон Истре.

Риото медленно свернул письмо, невозмутимо положил его на стол и перевел глаза на своего бывшего наставника.

– Брат здоров?

– Да, господин Истре, – кивнул головой Марель.

– Господин Истре? – опешил Риото. – Раньше ты называл меня Ингиаром.

– Господином Ингиаром, – согласился старик. – Вы тогда были всего лишь мальчишкой. Маленьким мальчишкой.

– Которого ты опекал, так как не мог опекать отец. Ты стал любить меня меньше?

– Меньше? Ну что Вы, конечно, нет, – старик ласково улыбнулся, – просто тот мальчишка превратился во взрослого мужчину, о котором уже сейчас слагают легенды, а ведь он еще только в самом начале своего пути, и я просто не вправе звать его, как ребенка.

– Наверное, ты, как всегда, прав, наставник, – уселся на край стола Риото, – но от этого мне почему-то грустно. Расскажи мне о доме.

– Хотелось бы мне сказать, что там все по-прежнему, но, к сожалению, это все не так, – задумчиво покачал головой Марель.

– Что? Все так плохо? – изумился Риото, от удивления перестав качать ногой, как делал всегда, когда о чем-нибудь задумывался. Он улыбнулся мысли, что в глубине души ждет выговора от наставника, за то, что самым вульгарнейшим способом уселся на стол, и, к собственному разочарованию, понимает, что никаких замечаний не последует.

– Да не то чтобы совсем плохо, – пожал плечами старик, – но и хорошего, конечно, мало. Северная башня очень сильно пострадала от весенних гроз, а так как денег на ее восстановление нет, она медленно разрушается. Гарнизону не платили с лета, и некоторые горячие головы начали роптать. Правда, сержант Горд утверждает, что не все так плохо, а он очень редко ошибается. Вы помните, сержанта Горда, сударь?

– Горда? Ну еще бы. Сколько он набил мне синяков, пока научил держать меч в руках, – соскочил со стола Риото. – Ха-ха, мы с ним придумывали новые комбинации и связки, когда разрабатывали стратегию нападения на нескольких противников, и я был ужасно горд, когда удостоивался его похвалы.

– Да, воин он был славный, – согласился Марель, – только вот одна беда, он стал много пить.

– Скажешь тоже, наставник, он всегда очень много пил, – пожал плечами Риото, – в гарнизоне его никто перепить не мог.

– Знаете, в его возрасте это становится опасным. На весеннее равноденствие он «слегка» перебрал и в итоге не совладал с конем и едва не свернул себе шею. Отделался сломанной ключицей и левой ногой.

– Гард свалился с лошади? – изумился Риото, – Но ведь это невозможно. Я помню, отец как-то назвал его настоящим кентавром, и он очень гордился этим прозвищем. Да лучшего всадника нельзя было встретить во всей округе.

– Это было очень давно, мой мальчик, – задумчиво произнес Марель, и тут же поправился, – простите, сударь.

– Да ладно тебе, – улыбнулся Риото, подошел к наставнику и ласково погладил того по плечу, – ты всегда так меня называл.

– Всему свое время, – виновато улыбнулся старик, – всему свое время.

– Что еще у Вас там нового?

– Кухарка Джейн вышла замуж за деревенского старосту.

– Джейн? – изумился Риото. – Да ведь ей, наверное, сто лет?

– Ну что Вы, сударь, ей этим летом исполнился сорок первый, я это точно помню, поскольку она родилась в один год с Вашим братом.

– А-а-а, – протянул Риото, – никогда бы не подумал. На вид она гораздо старше.

– Старше женщин делает тяжелая работа, тут Вы правы, сударь, но Джейн всегда старалась выглядеть лучше, чем есть, и вот урвала себе приз. Барон сначала даже не хотел слышать о ее замужестве, но потом изменил свое решение.

– Он всегда любил слушать ее сказки, она их здорово рассказывала зимними вечерами, когда все собирались либо в большом зале, либо на самой кухне. Она их знала невероятное количество, я до сих пор поражаюсь, откуда она их столько знала.

– Думаю, она их сама придумывала, – засмеялся Марель. – По крайней мере, она до сих пор их рассказывает, и барон до сих пор их с удовольствием слушает.

– А что же деревенский староста? – с улыбкой поинтересовался Риото.

– Он довольствуется тем, что видит свою жену несколько раз в месяц, когда барон разрешает покинуть ей замок на пару дней и, мне кажется, что оба вполне довольны таким существованием.

– Понятно. А как там Стрелок Бим?

– Он погиб, сударь, – грустно произнес старик.

– Да ты что? – изумился Риото и вновь соскочил со стола, на краешек которого он только что присел. – Давно?

– Этим летом. У господина барона были серьезные разногласия с его тестем, бароном Лором, из-за заливных лугов, которые Ваш брат получил как приданое его покойной супруги. С тех пор, как Ваша тетя умерла, Лором мечтает вернуть их обратно. На этой почве была стычка, в которой и погиб стрелок Бим, а с ним еще два десятка воинов.

– Жалко, – покачал головой Риото, – хороший воин был. Помнишь, как он всаживал одну стрелу в другую? А как орудовал кинжалом? Жалко его.

Риото в расстройстве заходил по комнате, затем уселся на кровать и поджал ногу.

– Жалко его.

– Жалко их всех, сударь, – покачал головой Марель.

– Да, конечно. Ты прав, наставник, действительно, жалко их всех. А что там в итоге с этим заливным лугом? Сколько я себя помню, у нас по этому поводу были постоянные конфликты с бароном Лором, и когда брат женился на тете, эти луга отошли к нам окончательно и бесповоротно, вроде бы конец конфликтам. Какое теперь имеет право на них Лором?

– Видите ли, сударь, эти луга отошли к Истре вроде как придаными, хотя, да, бароны Истре исстари владели этими землями, пока полсотни лет не передали их Лоромам в аренду за символическую сумму в знак благодарности за оказанные услуги. В те времена бароны были друзьями, не разлей вода...

– Да это-то я помню, когда старый Лором умер, было объявлено, что земли были не переданы в аренду, а куплены, а документы сгорели при пожаре в Большую засуху, и началась тяжба. Но сейчас-то все было оформлено документально?

– Теперь все еще сложнее. В брачном договоре записано, что земли переданы как приданое, что якобы подразумевает, что они являются собственностью баронов Лором, а поскольку Ваша тетя скончалась, не родив наследников, ее отец хочет вернуть часть приданого, коими и являются заливные луга.

– Никогда не слышал, чтобы возвращали приданое, – возмущенно произнес Риото, в волнении принявшись вышагивать по крохотной комнате, а поскольку ее размеры не позволяли это делать с размахом, он, в конце концов, вернулся на краешек стола. – По-моему, это свинство.

– По-моему, тоже, – согласился с ним наставник, и они, посмотрев друг на друга, вдруг неожиданно расхохотались.

– Я очень рад тебя видеть, наставник, – вдруг серьезно сказал Риото.

– Я тебя тоже, мой мальчик, – проговорил старик, тяжело поднялся со стула и крепко обнял молодого человека.

– Ну вот, то-то же, – наигранно пробурчал Риото, – а то сударь да сударь. Можно подумать, мы только с тобой познакомились, и не было у нас всего того, что делает людей родными.

– Прости меня, мой мальчик, – раскаянно покачал головой старик, – старость не всегда мудрость.

– Давай раскупорим все-таки бутылочку вина, – предложил Риото, – мне тут перепала на досуге парочка изумительного напитка. Одну бутылочку я выпил с капитаном и, знаешь, мне очень понравилось, а вторую я решил оставить на торжественный случай, и, по-моему, он настал.

– А давай, – махнул рукой старик, украдкой смахивая набежавшие слезы с глаз, – правда, мои возможности в этом деле очень невелики, но посидеть с тобой за одним столом доставит мне истинную радость.

Через несколько минут с легкой руки хозяйки дома, где квартировался молодой человек, стол был уставлен незатейливыми закусками, а в руках старых знакомых появились оловянные кубки.

Полились заздравные речи, затем воспоминания о днях минувших, начинавшиеся с «а помнишь», затем слова иссякли, и повисла тишина. Не та тягостная тишина, когда людям нечего друг другу сказать, а когда люди с удовольствием молчат, понимая друг друга.

Через час бутылка опустела, и хотя Марель едва пригубил из кубка его щеки пылали пунцом, а на душе была легкость, которую он не испытывал уже много лет. Иногда ему казалось, что перед ним сидит не его бывший подопечный, а любимый друг, барон Истре, отец этого бесшабашного молодого человека. Сидит перед ним, забавно жестикулируя при разговоре руками, как, собственно, всегда делал после изрядного возлияния. Старик чуть тряхнул головой, и наваждение растаяло, и вновь перед ним сидел его подопечный и о чем-то горячо говорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.